
Валерий Антонов
Лаборатория и система: феноменология Гуссерля. Том I. Лаборатория опыта: время, восприятие, пассивный синтез

Валерий Антонов

Лаборатория и система: феноменология Гуссерля. Том I. Лаборатория опыта: время, восприятие, пассивный синтез

https://litres.ru/74720128
SelfPub; 2026

Аннотация

Том I — первая часть двухтомника «Лаборатория и система: феноменология Гуссерля в авторском переводе». Он строится только на авторских переводах Husserliana X («К феноменологии внутреннего сознания времени»), XVI («Вещь и пространство») и XI («Анализы, касающиеся пассивного и активного синтеза»). Том отвечает на вопрос: как возможен опыт? Арка идёт от генетического ядра (триада пра-импрессия — ретенция — протенция, двойная интенциональность, абсолютный поток) к лаборатории опыта, где ядро проверяется на низшем уровне: восприятие вещи, кинестезис, аффекция, ассоциация, пробуждение, модализация, очевидность. Каждая глава — шаг дескриптивного прослеживания: от апории к частичному решению, без построения системы «сверху». Трёхслойный статус тома (перевод реконструкция авторские различения) делает

его не комментарием к Гуссерлю, а лабораторией, в которой перевод проверяется на предельных случаях. Для исследователей феноменологии и философии сознания.

Содержание

Предисловие к Тому I. 10
Трёхслойный статус Тома I 12
Полная арка Тома I. 15
Что это меняет. 17
Вводная к части 18
Глава 1. Место Husserliana X в корпусе. 22
Вводная 22
1.1. Состав тома: лекции, приложения, Зеефельдские рукописи. 23
1.2. Почему «Идеи» невозможны без анализа времени. 25
1.3. Принцип чтения: от апории к решению. 27
Глава 2. Эпохе объективного времени. 29
Вводная. 29
2.1. Исключение объективного времени как методический шаг: функция и данность. 30
2.2. Аналогия с пространством: зрительное поле vs. объективное пространство. 33
2.3. Различие психологического и феноменологического «происхождения» времени. 36
2.4. Априорные законы времени как задача феноменологии. 39

2.5. Эпохе и триада: от различия функции/ данности к конституированию. 42
Резюме главы. 44
Глава 3. Критика теории времени Брентано. 45
Вводная. 45
3.1. «Первоначальные ассоциации» и фантазия как источник времени 46
3.2. Смешение уровней: трансцендентное vs. имманентное 49
3.3. Неразличение восприятия и фантазии 51
3.4. Парадокс «А + прошлое» 53
3.5. Неучёт акт-характеров: вывод Гуссерля и первое введение различения «содержание / акт-характер» 56
3.6. Критика Брентано и различие «функция / данность» 59
Резюме главы 61
Глава 4. Триада конституирования: пра-импрессия — ретенция — протенция. 62
Вводная. 62
4.1. Пра-импрессия как абсолютное начало. 63
4.2. Ретенция как уникальный вид интенциональности. 66
4.3. Протенция и горизонт будущего. 69
4.4. «Хвост кометы»: временная кайма вокруг «теперь». 71

4.5. Пример мелодии как базовый феноменологический пример. 73
4.6. Временная перспектива и сжатие. 75
4.7. Сознание-функция и сознание-данность: различие, скрытое в триаде. 77
Резюме главы. 79
Глава 5. Ретенция и репродукция: первичная и вторичная память. 80
Вводная. 80
5.1. Ретенция vs. воспоминание: различие структур, а не степеней. 81
5.2. «Фантазм» и «образ памяти»: содержание и акт-характер. 84
5.3. Свобода воспроизведения и уровни ясности: две оси различия. 86
5.4. Эвиденция первичной и вторичной памяти. 89
5.5. Совпадение воспроизведённого «теперь» с прошлым. 91
5.6. Сжатие и временная перспектива в репродукции. 94
5.7. Ретенция, репродукция и различие сознания-функции / сознания-данности. 96
Резюме главы. 98
Глава 6. Двойная интенциональность и абсолютный поток. 100
Вводная. 100

6.1. Поперечная интенциональность (Querintentionalität): единство объекта. 101
6.2. Продольная интенциональность (Längsintentionalität): единство потока. 103
6.3. Апория саморефлексии потока: почему двойная интенциональность не устраняет напряжение. 106
6.4. Приложение VI: «восприятие в четырёх смыслах» — граница объективации. 109
6.5. Приложение VIII: решение через дорефлексивное самосознание. 111
6.6. Абсолютная субъективность: «для всего этого у нас нет имён». 114
6.7. Двойная интенциональность и различие сознания-функции / сознания-данности. 116
6.8. Двойная интенциональность, сжатие и временная перспектива. 118
Резюме главы. 120
Глава 7. Индивидуация временных объектов: Зеефельдские рукописи. 121
Вводная. 121
7.1. Вид и индивидуация: время как принцип индивидуации. 122
7.2. Невозможность двух тождественных индивидов в одном временном поле. 124
7.3. Онтологическое измерение анализа 126

времени: от конституирования к индивидуации.
7.4. Различие феноменологического и эмпирического времени. 128
7.5. Индивидуация, временная перспектива и сжатие. 130
7.6. Индивидуация и различие сознания-функции / сознания-данности. 132
7.7. Индивидуация и два смысла начала. 134
Резюме главы. 136
Глава 8. От времени к пассивному синтезу: Husserliana XI как мост. 137
Вводная. 137
8.1. Ассоциация как пассивная синтезирующая сила: форма и содержание. 138
8.2. Аффекция и внимание: функция и данность. 140
8.3. Конституирование единств из потока ощущений: форма и содержание. 142
8.4. Сжатие и временная перспектива в пассивном синтезе. 144
8.5. Переход к активному синтезу: функция и данность. 146
8.6. Пассивный синтез как функция и как данность: различение, скрытое в «Анализах». 148
8.7. Пассивный синтез и два смысла начала. 150
Резюме главы. 152

Глава 9. Критические точки напряжения генетического ядра. 154
Вводная. 154
9.1. Апория абсолютного потока: решена или отложена? 155
9.2. «Бессознательное сознание»: противоречие или различие понятий? 158
9.3. Проблема начала: исток или предел? 161
9.4. Отношение к кантовскому априоризму. 164
9.5. Интерсубъективная темпоральность: программа или структурная апория? 166
9.6. Пассивный синтез как функция и данность: граница, скрытая в «Анализах». 168
9.7. Время и «жизненный мир»: пропущенная связь. 170
Резюме главы. 172
Глава 10. Резюме: генетическое ядро в одном абзаце. 174
Вводная. 174
10.1. Три опоры: триада конституирования, двойная интенциональность, абсолютный поток 175
Конец ознакомительного фрагмента. 177

Лаборатория и система: феноменология Гуссерля. Том I. Лаборатория опыта: время, восприятие, пассивный синтез

Предисловие к Тому I.

Настоящий том — не комментарий к Гуссерлю и не «реконструкция по немецкому оригиналу». Это авторское исследование, в основе которого лежат **мои опубликованные переводы** ключевых текстов Гуссерля на «Литрес». Все цитаты из Гуссерля, приведённые в тексте, даны по этим переводам; ссылки на немецкие параграфы сохранены лишь как указатели на структуру оригинала, но источником цитаты является мой перевод.

Это важно зафиксировать с самого начала, потому что от этого зависит статус Тома I. Если бы цитаты шли по немецкому оригиналу или по чужим переводам, том был бы «комментарием». Но поскольку цитаты идут по **моим переводам**, том становится **лабораторией**, в которой перевод про-

веряется на низшем уровне опыта: триада, двойная интенциональность, абсолютный поток, пассивный синтез — всё это не «пересказ Гуссерля», а **реконструкция**, опирающаяся на мой перевод и проверяющая его на предельных случаях.

Трёхслойный статус Тома I

Том I имеет три слоя, и их важно различать, чтобы не смешивать перевод с реконструкцией, а реконструкцию — с авторским различением.

Первый слой — перевод. Это мои опубликованные переводы на «Литрес»:

1. Гуссерль Э. К феноменологии внутреннего сознания времени (Husserliana X) / Пер. [моё имя]. — URL: https://www.litres.ru/book/edmund-gusserl-33483511/k-fenomenologii-soznaniya-vnutrennego-vremeni-72248554/

2. Гуссерль Э. Анализы, касающиеся пассивного и активного синтеза. Лекции по трансцендентальной логике (Husserliana XI) / Пер. [моё имя]. — 2025. — 730 с. — URL: https://www.litres.ru/book/edmund-gusserl-33483/analizy-kasauschiesya-passivnogo-i-aktivnogo-sinteza-72250252/

3. Гуссерль Э. Вещь и пространство. Лекции 1907 года (Husserliana XVI) / Пер. [моё имя]. — 2025. — 470 с. — URL: https://www.litres.ru/book/edmund-gusserl-33483511/vesch-i-prostranstvo-lekcii-1907-goda-72273451/

4. Гуссерль Э. Философия первая. Курс лекций 1923–24 (Husserliana VIII) / Пер. [моё имя]. — URL: https://www.litres.ru/book/edmund-gusserl-33483511/filosofiya-pervaya-kurs-lekcii-1923-24-72282661/

5. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга третья (Husserliana V) / Пер. [моё имя]. — 2025. — 250 с. — URL: https://www.litres.ru/book/edmund-gusserl-33483/idei-k-chistoy-fenomenologii-i-fenomenologicheskoy-fi-72244774/

6. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая (Husserliana III/1) / Пер. [моё имя]. — URL: https://www.litres.ru/book/edmund-gusserl-33483/idei-k-chistoy-fenomenologii-i-fenomenologicheskoy-fi-72226525/

Этот слой — источник цитат. Он не «дополняется» и не «пересказывается»; он цитируется.

Второй слой — реконструкция. Это изложение хода мысли Гуссерля на основе моих переводов: триада (пра-импрессия — ретенция — протенция), двойная интенциональность (поперечная — на объект, продольная — на поток), абсолютный поток как предельный уровень субъективности. Реконструкция не является цитатой; она является **изложением**, которое опирается на мой перевод и проверяет его на предельных случаях (апория саморефлексии, «бессознательное сознание», проблема начала).

Третий слой — авторские различения. Это различения, введённые в главах 4–10: «сознание-функция / сознание-данность» (4.7, 5.7, 6.7, 7.6, 8.6, 9.2), «два смысла начала» (4.1, 7.7, 8.7, 9.3), «сжатие и временная перспектива» (4.6, 5.6, 6.8, 7.5, 8.4), «пассивный синтез как функция /

как данность» (8.6, 9.6). Эти различения не являются цитатами из моих переводов, но и не являются «чужими»: они возникли из анализа того, что в моих переводах остаётся на периферии (различение «функционирующего» и «являющегося» сознания в §36, сжатие в §9, два смысла начала в §§13 и 31–33). Их статус — **авторские реконструкции на основе моих переводов**.

Полная арка Тома I.

Том I строится как арка от генетического ядра к жизненному миру. Каждое звено арки опирается на мой перевод и проверяет его на предельных случаях.

Генетическое ядро (Часть I). Husserliana X (время) Husserliana XI (пассивный синтез) Husserliana XVI (вещь и пространство). Здесь триада, двойная интенциональность и абсолютный поток проверяются на низшем уровне опыта: восприятие мелодии, воспоминание, ожидание, индивидуация временных объектов.

Метод (контекст). Husserliana V (Идеи III) показывает, как анализ времени встраивается в феноменологическую редукцию. Без «Идей III» переход от Husserliana X к «Идеям I» выглядит как «прыжок»; с ними он становится трёхзвенным: Husserliana X «Идеи III» «Идеи I».

Система (контекст). Husserliana III/1 (Идеи I) — это та система, для которой генетическое ядро является «подпочвой». Без «Идей I» Том I был бы «лабораторией без выхода»; с ними он становится двухслойным: генетическое ядро (Том I) система «Идей I» (мой перевод).

Переход (контекст). Husserliana VIII (Философия первая) связывает «первую философию» с проблемой жизненного мира. Это звено, которое соединяет метод (Идеи III) и систему (Идеи I) с поздним Гуссерлем.

Завершение (контекст). «Кризис» показывает жизненный мир как временной горизонт, в котором наука и повседневность имеют общий исток. Без Husserliana X понятие жизненного мира висит в воздухе; с ним оно укоренено в анализе времени.

Что это меняет.

Том I перестаёт быть «реконструкцией в общем виде и становится **исследованием на основе моих опубликованных переводов** — с точными ссылками на «Литрес» и полной аркой от генетического ядра к жизненному миру. Это соответствует замыслу Тома I: «лаборатория», в которой перевод проверяется на низшем уровне опыта, а не «комментарий» к Гуссерлю.

Трёхслойный статус Тома I — не «недостаток», а его **метод**. Он показывает, что феноменология времени не является «готовой системой», которую можно «изложить»; она является **лабораторией**, в которой перевод, реконструкция и авторское различение образуют единое целое.

ЧАСТЬ I. ГЕНЕТИЧЕСКОЕ ЯДРО: «К ФЕНОМЕНОЛОГИИ ВНУТРЕННЕГО СОЗНАНИЯ ВРЕМЕНИ»

Вводная к части

Время — «подпочва» всех «Идей». Без него «абсолютное сознание» «Идей I» висит в воздухе, а «ассоциация» и «пробуждение» «Анализов» лишаются генетического обоснования. Но эта формула требует расшифровки: что значит «подпочва»? Почему без анализа времени «Идеи I» остаются схемой, а «Анализы» — набором описаний без фундамента? И как связаны между собой Husserliana X, XI и XVI — три текста, которые в Томе I образуют генетическое ядро?

Ответ на эти вопросы задаёт архитектуру Части I. Она строится не как «изложение» Гуссерля, а как **прослеживание** хода мысли: от апории времени (глава 2) через критику Брентано (глава 3) к триаде конституирования (глава 4), затем к различению ретенции и репродукции (глава 5), к двойной интенциональности и абсолютному потоку (глава 6), к индивидуации временных объектов (глава 7), к переходу от времени к пассивному синтезу (глава 8), к критическим точкам напряжения (глава 9) и, наконец, к резюме (глава 10). Каждая глава — это шаг, который не «добавляется» к предыдущему, а *проверяет* его на предельных случаях.

Это соответствует трёхслойному статусу Тома I, зафиксированному в Предисловии. **Первый слой — перевод:** все цитаты даны по моим опубликованным переводам Husserliana X, XI, XVI на «Литрес». **Второй слой — рекон-**

струкция: триада, двойная интенциональность, абсолютный поток изложены на основе моих переводов и проверены на предельных случаях (апория саморефлексии, «бессознательное сознание», проблема начала). **Третий слой — авторские различения:** «сознание-функция / сознание-данность» (4.7, 5.7, 6.7, 7.6, 8.6, 9.2), «два смысла начала» (4.1, 7.7, 8.7, 9.3), «сжатие и временная перспектива» (4.6, 5.6, 6.8, 7.5, 8.4), «пассивный синтез как функция / как данность» (8.6, 9.6). Эти различения не являются цитатами, но и не являются «чужими»: они возникли из анализа того, что в моих переводах остаётся на периферии.

Часть I имеет свою **арку**, которая не совпадает с аркой всего Тома I, но встраивается в неё. Если полная арка Тома I идёт от Husserliana X через «Идеи III» и «Идеи I» к «Философии первой» и «Кризису», то арка Части I — это *генетическое ядро*: Husserliana X (время) Husserliana XI (пассивный синтез) Husserliana XVI (вещь и пространство). Каждое звено этой арки опирается на мой перевод и проверяет его на низшем уровне опыта: восприятие мелодии, воспоминание, ожидание, индивидуация временных объектов, конституирование пространственной вещи.

Почему Часть I начинается именно с Husserliana X, а не с «Идей I»? Потому что «Идеи I» — это система, для которой генетическое ядро является «подпочвой». Без анализа времени «абсолютное сознание» «Идей I» остаётся пустым словом: понятия ноэсиса и ноэмы, гиле-морфе, интенциональ-

ности предполагают временную структуру сознания, которая анализируется в Husserliana X. Без этого анализа «абсолютное сознание» висит в воздухе. То же относится к «Анализам»: ассоциация — это пассивный синтез, который связывает данные; но чтобы связать данные, нужно уже иметь временной горизонт (ретенцию/протенцию), в котором они даны. Пробуждение — это процесс, в котором скрытое становится аффективным; но скрытое — это то, что погрузилось в прошлое, то есть было удержано в ретенции. Без Husserliana X Husserliana XI — это набор описаний без фундамента.

Но «подпочва» — это не только «фундамент». Это ещё и *граница*, которая указывает на пределы метода. Апория абсолютного потока (9.1), «бессознательное сознание» (9.2), проблема начала (9.3), отношение к Канту (9.4), интерсубъективная темпоральность (9.5), пассивный синтез как функция/данность (9.6), связь с жизненным миром (9.7) — все эти критические точки показывают, что генетическое ядро не является «закрытой системой». Оно имеет открытые границы, которые указывают на дальнейшие задачи: от времени к «Идеям III» (метод), от «Идей III» к «Идеям I» (система), от «Идей I» к «Философии первой» (первая философия) и к «Кризису» (жизненный мир).

Таким образом, Часть I — это не «введение в Гуссерля» и не «конспект по Husserliana X». Это **лаборатория**, в которой перевод, реконструкция и авторское различение образуют единое целое. Читатель, прошедший эту часть, увидит,

что время — не «одна из тем» феноменологии, а *подпочва*, на которой держатся все остальные темы. И он увидит, что эта подпочва имеет границы, которые указывают за пределы генетического ядра — к методу, системе, первой философии и жизненному миру.

Глава 1. Место Husserliana X в корпусе.

Вводная

Лекции 1905 г. и приложения 1893–1917 гг. — это не система, а лаборатория. Здесь Гуссерль впервые сталкивается с апорией времени и ищет метод. Чтобы понять, почему этот том стоит в начале корпуса, нужно ответить на три вопроса: что он собой представляет (состав), почему без него невозможны «Идеи» (функция) и как его читать (метод).

1.1. Состав тома: лекции, приложения, Зеефельдские рукописи.

Что это за текст. Husserliana X — не единый трактат, а корпус текстов разного времени и разной степени отделки. Рудольф Бём, редактор тома, собрал воедино:

· **Основной текст** — лекции 1905 года «О феноменологии внутреннего сознания времени» (§§1–45). Это ядро, которое Гуссерль читал в Гёттингене и которое затем перерабатывал.

· **Приложения (Beilagen)** — тексты 1905–1910 гг., частью черновые, частью специально написанные для уточнения отдельных проблем. Среди них — Приложение VI («Схватывание абсолютного потока. Восприятие в четырёх смыслах») и Приложение VIII («Двойная интенциональность потока сознания»), которые в плане вашего Тома I вынесены в Главу 6.

· **Дополнительные тексты (Zusätze)** — рукописи 1893–1917 гг., расположенные хронологически. Они показывают, как мысль Гуссерля двигалась от ранних апорий к поздним решениям.

· **Зеефельдские рукописи (1905–1907)** — тексты, посвящённые проблеме индивидуации временных объектов. В

плане Тома I они вынесены в Главу 7.

Принцип чтения. Различие между основным текстом, приложениями и рукописями — не формальное. Основной текст даёт структуру (триада, ретенция/репродукция, двойная интенциональность). Приложения дают лабораторию: в них видно, как Гуссерль сталкивается с трудностями, отступает, переформулирует. Рукописи дают историю: они показывают, что решения не были даны сразу.

Читать Husserliana X нужно не как систему, а как процесс. Бём в своём редакторском введении (которое воспроизведено в английском переводе Броу) показывает, какие идеи, когда возникли: например, понятие абсолютного потока появляется не в лекциях 1905 г., а в более поздних приложениях. Это значит, что основной текст и приложения нужно читать параллельно, соотнося их друг с другом.

Почему это важно. Состав тома отражает сам способ, каким Гуссерль работал: он не строил систему «сверху», а шёл от конкретных апорий к решениям, которые сам же затем ставил под вопрос. Поэтому Husserliana X нельзя читать как готовый трактат — его нужно читать как архив исследования.

Следствие. Понимание состава меняет стратегию чтения: сначала основной текст (структура), затем приложения (лаборатория), затем рукописи (история). Только так видно, что «решения» Гуссерля — это не догмы, а этапы метода.

1.2. Почему «Идеи» невозможны без анализа времени.

Тезис. «Идеи I» (1913) вводят понятия «абсолютного сознания», «ноэсиса и нозмы», «гиле-морфе». Но эти понятия висят в воздухе, если их не обосновать через анализ времени. Ретенция и протенция — это трансцендентальные условия единства объекта.

Аргумент. В «Идеях I» Гуссерль описывает сознание как интенциональный акт, направленный на предмет. Но любой акт длится: восприятие дома, воспоминание о вчерашнем концерте, ожидание завтрашней встречи — всё это временные процессы. Если сознание состоит из дискретных «теперь», то оно не может схватить единство объекта: дом, который я воспринимаю, дан мне как один и тот же на протяжении восприятия; мелодия, которую я слышу, дана как целое, а не как набор изолированных нот.

Ретенция (удержание только что прошедшего) и протенция (предвосхищение ближайшего будущего) — это не память и не ожидание в обычном смысле. Это структуры сознания, которые делают возможным единство объекта. Без ретенции каждый момент восприятия был бы изолирован; без протенции сознание не могло бы «идти навстречу» будущему. Именно поэтому «абсолютное сознание» «Идей I» — это

не статичная структура, а время-конституирующий поток.

Следствие. «Ассоциация» и «пробуждение» «Анализов» (Husserliana XI) лишаются генетического обоснования без учения о времени. Ассоциация — это пассивный синтез, который связывает данные; но чтобы связать данные, нужно уже иметь временной горизонт (ретенцию/протенцию), в котором они даны. Пробуждение — это процесс, в котором скрытое становится аффективным; но скрытое — это то, что погрузилось в прошлое, то есть было удержано в ретенции. Без Husserliana X Husserliana XI — это набор описаний без фундамента.

Почему это важно. Это показывает, что «Идеи I» не являются автономной системой: их понятия (ноэсис, нозма, гиле-морфе) предполагают временную структуру сознания, которая анализируется в Husserliana X. Без этого анализа «абсолютное сознание» остаётся пустым словом.

1.3. Принцип чтения: от апории к решению.

Тезис. Гуссерль движется от парадокса к серии решений, но не устраняет апорию — он очерчивает границы метода. Читать Husserliana X нужно как дескриптивное прослеживание, а не как построение системы.

Аргумент. Апория времени сформулирована ещё Августином: «Если никто меня не спрашивает, я знаю; если хочу объяснить спрашивающему — не знаю». Гуссерль начинает с этой апории и показывает, что она не решается простым указанием на «субъективность» времени. Нужен метод: эпохе объективного времени (§1), критика Брентано (§§3–6), введение триады (§§7–13), различение ретенции и репродукции (§§14–19), двойная интенциональность (§39, Приложения VI, VIII).

Каждый шаг — это решение, но решение частичное. Апория абсолютного потока (как поток может осознавать сам себя?) не устраняется, а переформулируется: поток не нуждается во втором потоке, потому что он уже «сознаёт» себя в самом течении, через продольную интенциональность. Это не «решение» в смысле «устранения», а очерчивание границы: поток — это «абсолютная субъективность», для которой у нас «нет имён».

Практическое следствие для чтения. Не ищите в Husserliana X окончательной системы. Ищите ход мысли: где Гуссерль ставит проблему, где отступает, где меняет позицию. Приложения и рукописи — это не «дополнение» к основному тексту, а лаборатория, в которой видны повороты. Читайте их после основного текста и с комментарием (Бём, Броу, Кортоомс).

Почему это важно. Понимание того, что Гуссерль не «решает» апорию, а очерчивает её границы, меняет ожидания читателя. Вы не найдёте здесь окончательной теории времени; вы найдёте метод, который проверяет себя на предельных случаях.

Следствие. Чтение Husserliana X как процесса, а не как системы, позволяет увидеть, почему этот том стоит в начале корпуса: он задаёт нулевой уровень, на котором проверяются все последующие понятия «Идей». Без этого уровня «Идеи» остаются схемой; с ним они становятся методом, который проверен на низшем уровне опыта.

Глава 2. Эпохе объективного времени.

Вводная.

Первый методический шаг: исключение объективного времени как условия анализа. Без этого шага феноменология времени невозможна: она изучает не время как физическую реальность, а то, как время является в сознании. Но эпохе — не просто «отрицание» объективного времени. Это *различие функции и данности*: объективное время есть данность, которая конституируется в функции имманентного времени. Без этого различения эпохе выглядело бы как «методологическое введение», а не как первый шаг к триаде (глава 4). В этой главе мы показываем, как эпохе вводит это различие и как оно связывает главу 2 с ядром (4.7, 5.7, 6.7, 7.6, 8.6).

2.1. Исключение объективного времени как методический шаг: функция и данность.

Что делает Гуссерль. В §1 он проводит феноменологическую редукцию применительно к времени: исключает все допущения, предписания и убеждения относительно объективного времени. Это не означает, что объективное время «не существует»; это означает, что оно не является феноменологическим данным.

Гуссерль формулирует это прямо: «Мы намерены провести феноменологический анализ временного сознания. Как и любой феноменологический анализ, он требует полного исключения любых допущений, предписаний и убеждений относительно объективного времени — полного исключения всех трансцендирующих предпосылок о существующем». С точки зрения объективности каждое переживание — включая само переживание восприятия времени — может иметь своё место в едином объективном времени. Но это не задача феноменологии. «Подобно тому как действительная вещь, действительный мир не являются феноменологическими данными, так и мировое время, реальное время, время природы в смысле естествознания — и даже психологии как науки о психическом — тоже не являются тако-

выми».

Функция и данность. Здесь важно ввести различение, которое мы подробнее разберём в 4.7: **сознание-функция** (поток как переживание) и **сознание-данность** (то, что схвачено, что «является» для Эго). Объективное время — это *данность*: оно является для Эго как «время природы», «время часов». Но эта данность конституируется в *функции* имманентного времени: поток сознания «функционирует» до всякой объективации, и только на основе этой функции может конституироваться данность объективного времени. Эпохе — это не «отрицание» объективного времени, а *различие*: объективное время есть данность, которая конституируется в функции имманентного времени. Без этого различения эпохе выглядело бы как «отбрасывание» объективного времени; с ним оно становится *первым шагом* к триаде.

Почему это необходимо. Объективное время — это время природы, измеряемое часами, время физических процессов. Оно трансцендентно сознанию: я могу измерить длительность мелодии в секундах, но это измерение не объясняет, как я слышу мелодию как целое. Феноменология изучает имманентное время — время потока сознания, а не время переживаемого мира.

Гуссерль подчёркивает: когда мы говорим об анализе временного сознания, может показаться, что мы уже предполагаем течение объективного времени и затем изучаем лишь субъективные условия возможности интуиции време-

ни. «Однако мы принимаем не существование мирового времени, не существование физической длительности и т. п., а "являющееся время", "являющуюся длительность" как являющиеся. Это абсолютные данные, которые бессмысленно подвергать сомнению». То, что сознание тонального процесса — мелодии, которую я сейчас слышу, — демонстрирует последовательность, есть то, в чём я обладаю очевидностью, делающей бессмысленным любое сомнение и отрицание.

Следствие. Феноменологический анализ не может открыть ничего об объективном времени. Он открывает «изначальное временное поле» — то, что дано в интуиции времени до всякой объективации. «"Изначальное временное поле" — это очевидно не часть объективного времени; переживаемое "теперь", взятое само по себе, — не точка объективного времени».

Почему это важно. Это показывает, что эпохе — не «отрицание» объективного времени, а методологический шаг, который делает возможным анализ имманентных структур. Без этого шага феноменология времени смешалась бы с психологией или физикой. Но эпохе — это ещё и *различие функции и данности*: объективное время есть данность, которая конституируется в функции имманентного времени. Это различие связывает главу 2 с ядром (4.7).

2.2. Аналогия с пространством: зрительное поле vs. объективное пространство.

Что это даёт. Аналогия с пространством — не украшение, а методологический ключ. Она показывает, что феноменология имеет дело с особым слоем данности, который не сводится к объективным координатам.

Зрительное поле. Гуссерль предлагает провести параллель с пространством, «поскольку пространство и время демонстрируют столь значительные и часто отмечаемые аналогии». Если мы абстрагируемся от всех интерпретаций, выходящих за пределы данного, и сведём перцептивное явление к первичным содержаниям, мы получим континуум зрительного поля. Он квазипространственен, но не является пространством: в нём есть отношения «рядом», «одно над другим», «одно внутри другого», но нет метров и координат. «Совершенно бессмысленно говорить, например, что точка зрительного поля находится в метре от угла этого стола или рядом с ним, над ним и т. д. Точно так же и явление физической вещи не имеет положения в пространстве или каких-либо пространственных отношений: явление дома не находится рядом с домом, над ним, в метре от него».

Временное поле. То же самое относится к времени. «Из-

начальное временное поле» — это не часть объективного времени; переживаемое «теперь», взятое само по себе, — не точка объективного времени. Оно имеет свою структуру (ретенция, протенция), но эта структура не измерима часами. Феноменологический анализ не может открыть ничего об объективном времени: он открывает «изначальное временное поле», которое очевидно не является частью объективного времени.

Почему это важно. Аналогия показывает, что феноменология времени не является субъективистской теорией, которая «сводит» время к ощущениям. Она изучает особый уровень данности, который лежит в основе объективного времени, но не совпадает с ним. Гуссерль прямо говорит: объективное пространство, объективное время и вместе с ними объективный мир действительных вещей и событий — всё это трансценденции. «Но важно отметить, что пространство и действительность не являются трансцендентными в каком-то мистическом смысле, как вещи в себе, а представляют собой феноменальное пространство, феноменальную пространственно-временную реальность — являющуюся пространственную форму, являющуюся временную форму».

Следствие. Аналогия с пространством задаёт модель для понимания времени: как зрительное поле не является объективным пространством, так и имманентное время не является объективным временем. Это позволяет избежать двух

крайностей: наивного реализма (время существует независимо от сознания) и субъективизма (время — просто ощущение).

Почему это важно для ядра. Аналогия с пространством — это не только «методологический ключ», но и *первое введение* различения функции и данности: зрительное поле — это функция (поток ощущений), объективное пространство — это данность (то, что схвачено как «пространство природы»). То же относится к времени: имманентное время — это функция, объективное время — это данность. Это различие связывает главу 2 с 4.7 и 6.7.

2.3. Различие психологического и феноменологического «происхождения» времени.

Что различает Гуссерль. Вопрос о «происхождении» времени может означать две совершенно разные вещи:

· **Психологическое происхождение:** как у человеческого индивида (или вида) возникает представление времени? Это вопрос эмпирической психологии, который разделяет эмпиризм и нативизм. Гуссерль не интересуется этим вопросом.

· **Феноменологическое (эпистемологическое) происхождение:** как время конституируется в сознании? Это вопрос о сущности времени, о его феноменологической возможности. Гуссерль ставит именно этот вопрос.

Гуссерль формулирует это различие в §2: «Следуя этим размышлениям, мы также понимаем различие между феноменологическим (то есть эпистемологическим) и психологическим вопросами о происхождении всех понятий, конституирующих опыт, а значит, и понятия времени». Эпистемологический вопрос о возможности опыта — это вопрос о его сущности, и прояснение его феноменологической возможности требует возвращения к феноменологическим данным.

Почему это различие существенно. Психологическое

происхождение времени предполагает объективное время, в котором протекают психические процессы. Но феноменология как раз исключает объективное время. Поэтому она не может отвечать на вопрос о психологическом генезисе; она отвечает на вопрос о феноменологической конституции.

Гуссерль подчёркивает: «Этот вопрос о происхождении не следует смешивать с вопросом о психологическом происхождении — с той спорной проблемой, которая разделяет эмпиризм и нативизм. Последний касается исходного материала ощущений, из которого у человеческого индивида и даже у вида в целом возникают интуиции объективного пространства и объективного времени. Вопрос об эмпирическом генезисе для нас безразличен; нас интересуют переживания в их предметном смысле и описательном содержании».

Следствие. Феноменология времени — это не «психология времени». Она изучает априорные условия временного сознания: почему время всегда дано как непрерывный поток, а не как набор дискретных моментов; почему «теперь» и «прошлое» исключают друг друга; почему временной порядок необратим.

Почему это важно для ядра. Различие психологического и феноменологического «происхождения» — это ещё одно введение различения функции и данности: психологическое происхождение — это *функция* (эмпирический процесс), феноменологическое происхождение — это *данность*

(то, что конституируется для Эго). Это различие связывает главу 2 с 5.7 и 7.6.

2.4. Априорные законы времени как задача феноменологии.

Что это за законы. В §33 Гуссерль формулирует априорные законы времени, которые коренятся не в психологии, а в феноменологической структуре сознания:

1. **Одновременность:** два первичных впечатления в одном «теперь» имеют идентичную временную позицию. Они различаются по содержанию, но одновременны: у них одинаковая форма индивидуации.

2. **Необратимость:** «a раньше b» исключает «b раньше a». Временной порядок асимметричен.

3. **Континуальность:** время не состоит из дискретных точек, но есть непрерывный поток модификаций. «Теперь» — это лишь идеальный предел, нечто абстрактное, что не может существовать само по себе.

Почему они априорны. Они коренятся не в эмпирических фактах, а в феноменологической структуре сознания. Даже фантазия (например, воображаемая мелодия) подчиняется требованиям временного порядка: нельзя вообразить мелодию, в которой «b раньше a» и одновременно «a раньше b».

Гуссерль формулирует это в §33: «Очевидно, это априорное требование основано на значимости фундаменталь-

ных временных очевидностей, которые могут быть непосредственно схвачены и прояснены на основе интуиций данных временных положений». Если сравнить два первичных ощущения, оба актуально являющиеся в одном сознании как первичные данные, как «теперь», то они различаются по содержанию, но одновременны: «они имеют идентичное абсолютное временное положение; они оба суть "теперь"; и в одном и том же "теперь" они необходимо имеют одинаковое значение с точки зрения их временной позиции. У них одинаковая форма индивидуации».

Задача феноменологии. Не «вывести» эти законы из эмпирических наблюдений, а прояснить их: показать, как они конституируются в потоке сознания. Это и есть задача феноменологии времени — раскрыть априори времени через исследование сознания времени. Гуссерль говорит: «Мы стремимся прояснить априори времени через исследование сознания времени, раскрытие его существенной конституции и демонстрацию содержаний схватывания и актных характеристик, которые — возможно, специфически — относятся ко времени и к которым по сути принадлежат априорные временные законы».

Следствие. Априорные законы времени — это не «врождённые идеи» и не «психологические привычки». Это структуры сознания, которые конституируются в потоке опыта и которые можно усмотреть с очевидностью. Они принадлежат к сущности времени как такового, а не к эмпирическим фак-

там психической жизни.

Почему это важно для ядра. Априорные законы времени — это *данности*, которые конституируются в *функции* временного сознания. Они не «даны» сразу, а конституируются в потоке; их прояснение — это переход от функции к данности. Это связывает главу 2 с 8.6 и 9.6.

2.5. Эпохе и триада: от различия функции/данности к конституированию.

Что это. Эпохе — это не только «исключение» объективного времени, но и *введение* различения функции и данности, которое затем станет основой триады (глава 4). Без этого различения триада выглядела бы как «описание того, что мы переживаем», а не как «описание структуры, которая делает возможным переживание».

Почему это важно. Эпохе показывает, что объективное время — это данность, которая конституируется в функции имманентного времени. Триада (пра-импрессия — ретенция — протенция) описывает *функцию*: как поток конституирует время. Но триада может стать *данностью*: когда мы рефлексируем над потоком, мы схватываем ретенцию как ретенцию, протенцию как протенцию. Эпохе — это первый шаг к этому различению: оно показывает, что объективное время не «дано» сразу, а конституируется в функции.

Следствие. Эпохе связывает главу 2 с главой 4: различение функции и данности, введённое в 2.1, становится основой триады в 4.7. Без этого различения триада была бы «плоской»; с ним она становится структурой, которая описывает и функцию (поток), и данность (то, что схвачено), и

границу между ними.

Почему это важно. Это показывает, что глава 2 — не «методологическое введение», а *первый шаг* к триаде. Эпохе — это не «отрицание» объективного времени, а различие функции и данности, которое делает возможным анализ имманентных структур. Без этого шага триада была бы беспочвенной; с ним она становится структурой опыта.

Резюме главы.

Эпохе объективного времени — первый методический шаг феноменологии времени. Оно исключает объективное время как данность естественной установки и сосредоточивает анализ на имманентном времени сознания. Но эпохе — это не просто «отрицание» объективного времени: это *различие функции и данности*. Объективное время есть данность, которая конституируется в функции имманентного времени. Аналогия с пространством показывает, что феноменология имеет дело с особым слоем данности, который не сводится к объективным координатам. Различие психологического и феноменологического «происхождения» времени защищает феноменологию от смешения с эмпирической психологией. Априорные законы времени (одновременность, необратимость, континуальность) коренятся в феноменологической структуре сознания и составляют задачу феноменологии — прояснить их через исследование сознания времени. Эпохе вводит различение функции и данности, которое связывает главу 2 с ядром (4.7, 5.7, 6.7, 7.6, 8.6). Без этого шага феноменология времени была бы невозможна: она изучала бы не время как оно является в сознании, а время как физическую реальность, что противоречит её методу.

Глава 3. Критика теории времени Брентано.

Вводная.

Историко-аргументативный пролог. Критика Брентано выявляет ошибки, определяющие постановку проблемы у самого Гуссерля. Без этой критики непонятно, от чего Гуссерль отталкивается и что он хочет преодолеть. Но критика Брентано — это не только «исторический экскурс». Это *первое введение* различения «содержание / акт-характер», которое затем станет различением «сознание-функция / сознание-данность» (4.7, 5.7, 6.7, 7.6, 8.6). Без этого различения критика Брентано выглядела бы как «опровержение чужой теории», а не как *первый шаг* к триаде (глава 4).

3.1. «Первоначальные ассоциации» и фантазия как источник времени

Что утверждает Брентано. Восприятие прошлого объясняется через «первоначальные ассоциации»: к каждому актуальному восприятию автоматически присоединяются «модифицированные» представления (фантазмы), несущие временной момент «прошлое». Когда звучит мелодия, каждый тон, исчезая, оставляет после себя фантазм, который «отодвигается» в прошлое. Фантазия — это «продуктивная» сила, которая создаёт новый момент представления — временной момент.

Гуссерль излагает это так: когда мы видим, слышим или иным образом воспринимаем что-либо, воспринятое всегда остаётся в нашем сознании на некоторое время, но не без изменений. Помимо изменений в интенсивности или полноте, «мы неизменно обнаруживаем ещё одно, совершенно особое изменение: а именно то, что остающееся в сознании предстаёт перед нами как более или менее прошлое, как бы отодвинутое во времени». Например, когда звучит мелодия, отдельный тон не исчезает полностью с прекращением раздражения. Когда звучит новый тон, предыдущий не пропадает бесследно.

Почему это кажется убедительным. Без такого меха-

низма мы не могли бы воспринимать последовательности: каждый тон исчезал бы бесследно, оставляя лишь изолированные моменты. Брентано объясняет, как прошлое сохраняется в сознании. Гуссерль формулирует всеобщий закон, который Брентано приписывает: «к каждому данному представлению природой прикреплён непрерывный ряд представлений. Каждое из них воспроизводит содержание предыдущего, но так, что всегда добавляет к новому представлению момент прошлого».

В чём проблема. Гуссерль показывает, что это объяснение недостаточно. Оно смешивает трансцендентный (объективный) и имманентный (феноменологический) уровни анализа. Брентано говорит о «раздражителях», «нервных движениях», «законах ассоциации» — это язык эмпирической психологии. Феноменология же требует редукции: исключения трансцендентных предпосылок и описания имманентных структур сознания.

Гуссерль подчёркивает: Брентано «очевидно, имеет в виду психологический закон, управляющий новым образованием психических переживаний на основе данных психических переживаний. Эти переживания психические, они объективированы, они сами имеют своё время, и для Брентано речь идёт об их генезисе и развитии. Всё это принадлежит к области психологии и не интересует нас здесь. Однако в этих рассуждениях скрыто феноменологическое ядро».

Следствие. Теория Брентано — это теория психологи-

ческого происхождения времени, а не феноменологическая теория. Она отвечает на вопрос «как возникает представление времени у индивида?», а не на вопрос «как время конституируется в сознании?».

Почему это важно. Это показывает, что критика Брентано — не просто исторический экскурс. Она выявляет смешение уровней, которое Гуссерль будет преодолевать на протяжении всего трактата. Без этого различения феноменология времени не могла бы начаться.

3.2. Смешение уровней: трансцендентное vs. имманентное

Что это значит. Брентано объясняет время через психологические процессы, которые сами протекают во времени. Но это круг: чтобы объяснить время, он предполагает время. Он говорит о «законе ассоциации», который «управляет» возникновением представлений; но этот закон сам имеет временную структуру.

Почему это ошибка. Феноменология не может предполагать объективное время, которое она хочет объяснить. Она должна исключить его (эпохе) и описывать имманентные структуры сознания. Брентано же остаётся в рамках естественной установки: он говорит о психических переживаниях как о фактах, которые имеют своё место в объективном времени.

Гуссерль формулирует это в §6: «Очевидно, она не движется в той сфере, которую мы признали необходимой для феноменологического анализа временного сознания: она работает с трансцендентными предпосылками, с существующими временными объектами, которые оказывают на нас "стимулы" и "вызывают" в нас ощущения, и тому подобное. Таким образом, она предстаёт как теория психологического происхождения представления времени».

Следствие. Теория Брентано остаётся в рамках естественной установки. Она не может объяснить, как время конституируется в сознании, потому что она уже предполагает то, что должна объяснить.

Почему это важно. Это показывает, что критика Брентано имеет методологический характер: она выявляет необходимость эпохе. Без исключения объективного времени феноменология времени невозможна. Но критика Брентано — это ещё и *первое введение* различения «содержание / акт-характер»: Брентано смешивает содержание (то, что дано) и акт (то, как дано), и это смешение станет основой различения «сознание-функция / сознание-данность» (4.7). Без этого различения критика Брентано была бы «опровержением», а не «первым шагом» к триаде.

3.3. Неразличение восприятия и фантазии

Что не различает Брентано. Если прошлое дано лишь как фантазм (модифицированное представление), то как возможно удержание только что прозвучавшего тона в единстве мелодии? Брентано отрицает восприятие последовательности, считая его иллюзией. Но тогда само различение «теперь» и «прошлого» теряет почву: если всё — фантазия, то нет критерия, отличающего восприятие от воспоминания.

Гуссерль ставит вопрос прямо: «Если оригинальная интуиция времени уже является творением фантазии, то что отличает эту фантазию временного от той, в которой мы сознаём нечто временное, принадлежащее более отдалённому прошлому — нечто, следовательно, не принадлежащее сфере оригинальной ассоциации и не соединённое в одном сознании с текущим восприятием, но соединённое когда-то с восприятием, которое теперь прошло?» Если репрезентация пережитой вчера последовательности включает репрезентацию временного поля, изначально пережитого вчера, и если последнее уже представляет собой континуум изначально ассоциированных фантазий, то мы имеем дело с фантазиями фантазий.

Почему это важно. Гуссерль показывает, что ретенция

— это не фантазия. Ретенция не репрезентирует прошлое (как вторичная память), а удерживает его в оригинальной данности. Это уникальный вид интенциональности, который не сводится ни к восприятию, ни к фантазии.

Следствие. Брентано не может объяснить, как прошлое дано как прошлое, а не как «настоящее с модификацией». Его теория приводит к парадоксу: прошлое одновременно и есть, и было.

Почему это важно для ядра. Неразличение восприятия и фантазии — это не только «ошибка Брентано», но и *первое введение* различения «функция/данность»: фантазия — это функция (репродуктивная модификация), восприятие — это данность (то, что схвачено как «само»). Без этого различения критика Брентано была бы «опровержением», а не «первым шагом» к триаде.

3.4. Парадокс «А + прошлое»

В чём парадокс. Если тон А «прошёл», но продолжает существовать в сознании как А + «прошлое», то он одновременно есть и был. Это противоречит самой идее временной последовательности: прошлое должно быть дано как ушедшее, а не как настоящее с модификацией.

Гуссерль разворачивает этот парадокс в §6: «Пережитый тон "А" только что прозвучал; он возобновляется посредством оригинальной ассоциации и, что касается его содержания, непрерывно удерживается в сознании. Но это означает: "А" вовсе не прошлое (во всяком случае, за исключением уменьшений его интенсивности), а остаётся настоящим. Вся разница состояла бы в том, что ассоциация считается творческой и что она добавляет новый момент, называемый "прошлое". Этот момент оттеняется и изменяется непрерывно, и в зависимости от степени изменения "А" является более или менее прошлым. Таким образом, прошлое, поскольку оно попадает в сферу оригинальной интуиции времени, должно в то же время быть настоящим. Временной момент "прошлое" должен был бы быть настоящим моментом переживания в том же смысле, как момент красного, который мы переживаем сейчас, — что, несомненно, является очевидным абсурдом».

Как это выглядит у Брентано. Он говорит, что к со-

держанию А присоединяется новый момент — «прошлое». Но если содержание А остаётся тем же самым, то оно не прошло; оно длится. А если оно длится, то оно есть теперь, а не было. Парадокс: А и есть, и было одновременно.

Как это решает Гуссерль. Он показывает, что временная модификация не является присоединением нового момента к содержанию. Ретенция — это модификация самого сознания, а не содержания. Тон не «сохраняется» с добавлением «прошлого»; он даётся как прошлый в особом модусе данности. Это различие между содержанием и модусом данности — ключевое для Гуссерля.

Гуссерль формулирует это так: «Возможно, кто-то возразит, что "А" само по себе действительно прошлое, но что в сознании благодаря оригинальной ассоциации появляется новое содержание: "А" с характеристикой "прошлое". Тем не менее, если содержание, совершенно подобное "А", постоянно находится в сознании, даже с новым моментом, то "А" именно не прошлое, а длящееся. Следовательно, оно есть теперь и постоянно есть, и есть вместе с новым моментом "прошлое" — прошлое и настоящее одновременно».

Следствие. Парадокс «А + прошлое» показывает, что модель Брентано несостоятельна. Она не может объяснить, как прошлое дано как прошлое, не превращая его в настоящее. Это открывает путь к учению о ретенции как особом модусе данности.

Почему это важно. Парадокс «А + прошлое» — это не

просто техническая трудность. Он показывает, что временность не может быть объяснена через присоединение новых моментов к содержанию. Временность — это форма сознания, а не свойство содержаний.

3.5. Неучёт акт-характеров: вывод Гуссерля и первое введение различения «содержание / акт-характер»

Что не учитывает Брентано. Он не различает акт и содержание. Для него временной момент — это свойство содержания (или присоединённый к содержанию момент). Но Гуссерль показывает, что временность — это форма сознания, а не свойство содержаний.

Гуссерль формулирует это в §6: «Даже если Брентано не впал в ошибку редукции, по образцу сенсуализма, всех переживаний к простым первичным содержаниям, и даже если он первым признал радикальное разделение между первичными содержаниями и акт-характерами, его теория времени всё же показывает, что он просто не принял во внимание теоретически решающие акт-характеры. Вопрос о том, как возможно временное сознание и как его следует понимать, остаётся без ответа».

Что это значит. Содержание может быть одинаковым (тот же тон), но модус данности различен: «теперь», «только что», «давно». Именно акт-характер, а не содержание, конституирует время. Брентано, несмотря на своё различение

актов и содержаний, не применяет его к анализу времени.

Гуссерль подчёркивает: «Мы находим временные характеристики, последовательность и длительность не только в первичных содержаниях, но также в аппрегендируемых объектах и аппрегендирующих актах. Анализ времени, ограниченный одним слоем, недостаточен; он должен, скорее, следовать всем слоям конституции».

Первое введение различения «содержание / акт-характер». Здесь важно зафиксировать: критика Брентано — это *первое введение* различения «содержание / акт-характер», которое затем станет различением «сознание-функция / сознание-данность» (4.7, 5.7, 6.7, 7.6, 8.6). Содержание — это то, что дано (функция); акт-характер — это то, как дано (данность). Брентано смешивает их, и это смешение — источник его ошибки. Гуссерль разделяет их, и это разделение — основа триады.

Вывод Гуссерля. Теория Брентано содержит феноменологическое ядро (идею модификации времени), но затемняет его натуралистическими и психологизирующими допущениями. Критика Гуссерля предвосхищает его собственное учение о временном сознании как самоконституирующемся потоке, где прошлое дано не как фантазм, а как удержание (ретенция), а будущее — как протенция.

Следствие. Критика Брентано задаёт программу феноменологии времени: необходимо различить акт и содержание, трансцендентное и имманентное, восприятие и фанта-

зию, ретенцию и репродукцию. Без этого различения невозможно понять, как время конституируется в сознании.

Почему это важно. Это показывает, что критика Брентано — не «опровержение» чужой теории, а выявление собственных задач феноменологии. Гуссерль не просто отвергает Брентано; он показывает, какие различения необходимы для феноменологического анализа времени.

3.6. Критика Брентано и различие «функция / данность»

Что это. В 2.1 мы ввели различение «сознание-функция / сознание-данность»: поток всегда уже «функционирует» до всякой рефлексии, но может быть схвачен как «данность» в рефлексии. Критика Брентано — это *первое введение* этого различения.

Почему это важно. Брентано смешивает содержание (то, что дано) и акт (то, как дано). Это смешение — источник его ошибки: он думает, что временной момент — это свойство содержания, а не акт-характер. Гуссерль разделяет содержание и акт-характер, и это разделение становится основой различения «функция/данность»: содержание — это функция (поток), акт-характер — это данность (то, что схвачено как «теперь», «прошлое», «будущее»).

Что это меняет. Критика Брентано связывает главу 3 с 4.7: различение «содержание / акт-характер», введённое в 3.5, становится основой различения «функция/данность» в 4.7. Без этого различения критика Брентано была бы «опровержением», а не «первым шагом» к триаде.

Следствие. Критика Брентано — это не только «исторический пролог», но и *первый шаг* к триаде. Она вводит различение «содержание / акт-характер», которое станет осно-

вой различения «функция/данность» и триады (глава 4).

Почему это важно. Это показывает, что глава 3 — не «отступление», а *необходимый шаг* к ядру. Без критики Брентано триада была бы беспочвенной; с ней она становится структурой, которая описывает и функцию (поток), и данность (то, что схвачено), и границу между ними.

Резюме главы

Критика Брентано выявляет три основные ошибки: смешение трансцендентного и имманентного уровней, неразличение восприятия и фантазии, неучёт акт-характеров. Парадокс «А + прошлое» показывает, что временность не может быть объяснена через присоединение новых моментов к содержанию. Теория Брентано содержит феноменологическое ядро (идею модификации времени), но затемняет его натуралистическими допущениями. Критика Гуссерля предвосхищает его собственное учение о ретенции, протенции и двойной интенциональности. Критика Брентано — это *первое введение* различения «содержание / акт-характер», которое станет основой различения «функция/данность» (4.7) и триады (глава 4). Без этой критики непонятно, от чего Гуссерль отталкивается и что он хочет преодолеть: его собственное учение о времени строится как ответ на трудности, обнаруженные в теории Брентано.

Глава 4. Триада конституирования: пра-импрессия — ретенция — протенция.

Вводная.

Ядро теории. Триада — не три «части» сознания, а три момента единого потока. Без неё невозможно понять ни единство объекта, ни единство потока. Но триада — это не готовая «схема», которую можно приложить к опыту извне; это дескриптивное описание того, как сознание фактически конституирует временность. В этой главе мы не просто излагаем триаду, но показываем, как каждый её момент возникает из анализа конкретного опыта (мелодии), как они взаимно предполагают друг друга и как триада связана с границами, очерченными в главе 9 (два смысла начала, сжатие времени, сознание-функция / сознание-данность).

4.1. Пра-импрессия как абсолютное начало.

Что это. Пра-импрессия (Urimpression) — это точка «теперь», в которой конституируется актуальное содержание (звучащий тон). Это абсолютное начало, немодифицированное впечатление; оно не произведено сознанием, а дано ему.

Гуссерль описывает это так: «"Исходная точка", с которой начинается "производство" длящегося объекта, — это первичное впечатление. Это сознание находится в состоянии постоянного изменения: "теперь" тона, присутствующее "лично", непрерывно превращается (то есть в сознании) в нечто, что было; новое "теперь" тона постоянно сменяет то, что перешло в модификацию».

Почему «абсолютное». Пра-импрессия — это первоисточник всего дальнейшего сознания и бытия. Она не возникает из чего-то другого; она есть изначальное порождение (Urterzeugung). В дополнительных текстах (47–50) Гуссерль говорит: «Сознание ничто без впечатления». Пра-импрессия — это то, что «вспыхивает» в потоке и запускает процесс модификации.

Гуссерль формулирует это с предельной ясностью: «Первичное впечатление есть нечто абсолютно немодифицированное, первоисточник всего дальнейшего сознания и бы-

тия. Первичное впечатление имеет своим содержанием то, что означает слово "теперь", взятое в самом строгом смысле. Каждое новое "теперь" есть содержание нового первичного впечатления. Все новые первичные впечатления непрерывно вспыхивают с новой материей, то той же самой, то изменяющейся».

Скрытая двусмысленность «начала». Здесь важно различать два смысла, которые Гуссерль не всегда проговаривает явно (см. главу 9.3):

1. **Начало как абсолютный исток.** Пра-импрессия — «изначальное порождение», у которого нет семени. Она не «первая точка» на линии времени, а *источник производства*, который всегда уже действует. В этом смысле каждое «теперь» есть абсолютное начало — не потому, что оно первое, а потому, что оно порождающее.

2. **Начало как первая фаза.** В §13 Гуссерль говорит, что ретенция мыслима только как фаза континуума, у которой есть предшествующее впечатление. Здесь начало — это *предел континуума* , а не его первый член.

Смешение этих смыслов порождает видимость апории: поток не имеет первого момента, но каждое впечатление есть абсолютное начало. Различение истока и предела снимает видимость противоречия: пра-импрессия — это исток (она всегда уже действует), но не первая фаза (поток не имеет начала). Это различение мы подробнее разберём в 4.6 и в главе 9.3.

Что важно. Пра-импрессия — это не «мгновенная точка» в объективном времени. Это фаза потока, которая имеет свою длительность (хотя и минимальную). Она не может существовать сама по себе; она всегда дана в единстве с ретенцией и протенцией. Гуссерль подчёркивает: «Впечатление, в отличие от фантазма, отличается характером изначальности». Это значит, что пра-импрессия — не просто «слабое» или «сильное» содержание, а особый модус данности: она даёт объект «во плоти», как само присутствующее.

Следствие. Пра-импрессия — это абсолютное начало потока, но не в смысле «первой точки» во времени, а в смысле источника, из которого производится всё остальное. Без неё не было бы ни ретенции, ни протенции, ни единства объекта.

Почему это важно. Пра-импрессия задаёт нулевой уровень временного сознания: она — то, что ещё не модифицировано, что дано «само». Все остальные моменты триады (ретенция, протенция) определяются через отношение к ней.

4.2. Ретенция как уникальный вид интенциональности.

Что это. Ретенция (удержание) — это немедленное удержание только что прошедшего. Это не память и не фантазия: не образ прошлого, а модификация самого впечатления, сохраняющая его в «живом» прошлом.

Гуссерль описывает это в §8: тон начинается и заканчивается; после его завершения вся его длительностная целостность «отступает» во всё более отдалённое прошлое. «В этом погружении назад я всё ещё "удерживаю" его, сохраняю в "ретенции". И пока ретенция длится, тон обладает своей собственной темпоральностью; он остаётся тем же самым, его длительность неизменна».

Почему «уникальный вид интенциональности». Ретенция не репрезентирует прошлое (как вторичная память), а удерживает его в оригинальной данности. Это не сознание-образа; это оригинальное сознание. В §12 Гуссерль показывает, что ретенционный тон — это не «слабый настоящий тон», а нечто принципиально иное: тон, «первично вспоминаемый» в «теперь».

Гуссерль формулирует это с предельной ясностью: «Ретенционный тон — это не настоящий тон, а именно тон, "первично вспоминаемый" в "теперь": он не дан в ретенци-

онном сознании как наличный. Но и тональный момент, принадлежащий этому сознанию, не может быть другим, реально наличным тоном — он не может быть даже очень слабым тоном того же качества (например, эхом)». Настоящий тон может «напоминать» о прошлом тоне, иллюстрировать его, образно представлять его, но это уже предполагает другую репрезентацию прошлого. «Интуиция прошлого сама по себе не может быть образным представлением. Это оригинальное сознание».

«Хвост кометы». В §11 Гуссерль описывает ретенцию как «хвост кометы», прикреплённый к «теперь». Каждая точка «теперь» окружена «временной каймой» — ретенциональным «хвостом», который удерживает только что прошедшее. Этот «хвост» не является образом; он является модификацией сознания, которая даёт прошлое как прошлое.

Гуссерль пишет: «В случае восприятия временного объекта восприятие в каждый момент завершается схватыванием-как-теперь, восприятием в смысле полагания-как-теперь. Пока воспринимается движение, происходит моментальное схватывание-как-теперь, и в этом схватывании конституируется актуально присутствующая фаза самого движения. Но это схватывание-теперь — это, так сказать, голова, прикреплённая к хвосту кометы ретенций, относящихся к предыдущим точкам "теперь" движения».

Следствие. Ретенция — это не «память» в обычном смысле. Она не требует усилия, не может быть произвольно

вызвана или прекращена. Она «прикреплена» к «теперь» и удерживает только что прошедшее в его оригинальной данности. Без ретенции каждый момент восприятия был бы изолирован; не было бы ни единства объекта, ни единства потока.

Почему это важно. Ретенция — это ключевое понятие феноменологии времени. Она объясняет, как прошлое дано в настоящем, не превращаясь в настоящее. Она отличается от репродукции (вторичной памяти) тем, что даёт прошлое в оригинальной данности, а не через образ.

4.3. Протенция и горизонт будущего.

Что это. Протенция (предвосхищение) — это пустое интенциональное направление в будущее, которое заполняется в процессе восприятия. Это не «предсказание» и не «ожидание» в обычном смысле; это структура сознания, которая делает возможным «идти навстречу» будущему.

Гуссерль описывает протенцию в §24: «Каждое воспоминание содержит интенции ожидания, чьё осуществление ведёт к настоящему. Каждый процесс, изначально конституирующий свой объект, одушевлён протенциями, которые пустотно конституируют грядущее как грядущее, схватывают его и приводят к осуществлению».

Почему это необходимо. Без протенции сознание было бы «приковано» к настоящему. Оно не могло бы схватить единство процесса: мелодия была бы набором изолированных нот, а не целым. Протенция создаёт горизонт будущего, в котором будущее дано как «ещё-не», но уже намечено.

Гуссерль подчёркивает: «Мы не можем и не можем быть полностью лишены предвосхищения, направленного вперёд. Временная кайма также имеет будущее». Это значит, что протенция — не «дополнение» к восприятию, а его необходимая структура. Даже когда мы просто слышим тон, мы уже

предвосхищаем его продолжение или завершение.

Пример мелодии. Когда звучит мелодия, каждая нота дана в «теперь», но её смысл возникает только в связи с удержанными предыдущими нотами (ретенция) и ожидаемыми последующими (протенция). Без протенции мы не могли бы «слышать» мелодию как целое; мы слышали бы только отдельные ноты.

Гуссерль формулирует это так: «Если мы слышим только один длящийся тон, то мы слышим его непрерывно. Как правило, тон колеблется, или "одновременные" последовательности придают ему деления, так что части, принадлежащие "теперь", даже если они смутно контрастируют и слабо ограничены, отличаются от "только что прошлого" и от будущего, которое мы предвосхищаем».

Следствие. Протенция — это не «предсказание» будущего, а структура сознания, которая делает возможным единство процесса. Без неё сознание было бы фрагментарным; с ней оно становится целым.

Почему это важно. Протенция показывает, что временное сознание не «пассивно» регистрирует данные, а активно «идёт навстречу» будущему. Это отличает феноменологию времени от теорий, которые сводят время к последовательности ощущений.

4.4. «Хвост кометы»: временная кайма вокруг «теперь».

Что это. В §8 Гуссерль описывает, как тон дан в «непрерывном потоке» модусов: «теперь»-фаза воспринимается, а истекшие фазы удерживаются в ретенции, образуя «временную кайму» вокруг точки «теперь». Эта кайма — не образ, а уникальный вид интенциональности.

Гуссерль пишет: «Я сознаю тон и заполняемую им длительность в непрерывности "модусов", в "непрерывном потоке". Одна точка, одна фаза этого потока называется "сознанием начинающегося тона"; и в этой фазе я сознаю первую временную точку длительности тона в модусе "теперь". Тон дан — то есть я сознаю его как "теперь". Но я сознаю его как "теперь" "до тех пор", пока любая из его фаз интендируется как "теперь". Однако если какая-либо временная фаза является актуально настоящим "теперь", то я сознаю непрерывность фаз как "непосредственно прошедших" и весь отрезок временной длительности от начальной точки до точки "теперь" как истекший».

Почему это важно. «Временная кайма» показывает, что «теперь» не является изолированной точкой. Оно всегда окружено ретенциональным «хвостом» (прошлое) и протенциональным «горизонтом» (будущее). Без этой каймы со-

знание не могло бы схватить длительность и последовательность.

Гуссерль подчёркивает: «В сфере ясности мы находим бóльшую отчётливость и разделённость (тем бóльшую, чем ближе эта сфера к актуально настоящему "теперь"). Но чем дальше мы удаляемся от "теперь", тем сильнее проявляется слияние и сжатие». Это значит, что временная кайма имеет свою структуру: ближайшее прошлое дано ясно, более отдалённое — смутно.

Следствие. Время — это не последовательность дискретных «теперь», а непрерывный поток, в котором каждая фаза связана с предыдущими и последующими. «Теперь» — это лишь идеальный предел, нечто абстрактное, что не может существовать само по себе.

Почему это важно. «Хвост кометы» показывает, что временное сознание имеет структуру, а не является хаосом. Эта структура (ретенция — пра-импрессия — протенция) конституирует единство объекта и единство потока.

4.5. Пример мелодии как базовый феноменологический пример.

Почему мелодия. Мелодия — это базовый пример феноменологии времени, потому что она дана как целое, а не как набор изолированных нот. Когда мы слышим мелодию, мы слышим не отдельные тоны, а их связь: каждый тон отсылает к предыдущим (ретенция) и к последующим (протенция).

Гуссерль использует этот пример на протяжении всего трактата. В §7 он ставит вопрос: «Разве мы не должны сказать: когда звучит второй тон, я слышу его, но уже не слышу первый тон и т. д.? В действительности, значит, я слышу не мелодию, а лишь отдельный настоящий тон». Но это объяснение неудовлетворительно, потому что оно не объясняет, как прошлое удерживается в сознании.

Что показывает пример. Мелодия показывает, что время — это не объективная величина, а форма сознания. Мы слышим мелодию как целое только потому, что наше сознание удерживает прошлое и предвосхищает будущее. Без ретенции и протенции мы слышали бы только изолированные «теперь».

Гуссерль формулирует это так: «Мы слышим мелодию, то есть воспринимаем её, ведь слышание — это и есть воспри-

ятие. Однако первый тон звучит, затем второй, потом третий и так далее. Разве мы не должны сказать: когда звучит второй тон, я слышу его, но уже не слышу первый тон... Но мы не можем удовлетвориться этим объяснением, потому что всё сказанное применимо и к отдельному тону. Каждый тон сам обладает временной протяжённостью».

Параллель с Бергсоном. Анри Бергсон в «Творческой эволюции» (1907) использует аналогичный пример, критикуя «кинематографический» подход к времени. Но есть различие: Бергсон апеллирует к интуиции длительности (durée), Гуссерль — к структуре интенционального сознания. Это параллель, а не тождество.

Следствие. Мелодия показывает, что единство объекта конституируется в потоке сознания через ретенцию и протенцию. Это единство не является «суммой» отдельных моментов; оно есть результат синтеза, который осуществляется в самом потоке.

Почему это важно. Пример мелодии делает абстрактную структуру триады конкретной. Он показывает, что ретенция, пра-импрессия и протенция — не «теоретические конструкты», а структуры, которые можно усмотреть в самом опыте.

4.6. Временная перспектива и сжатие.

Что это. В §9 и §35 Гуссерль описывает феномен **сжатия** (Zusammendrängung): при погружении в прошлое временной объект «сжимается», становится смутным, теряет дифференциации. Это не просто «убывание ясности» — это *изменение временной перспективы*, аналогичное пространственной.

Гуссерль пишет: «Чем дальше мы удаляемся от "теперь", тем сильнее проявляется слияние и сжатие. Рефлексивное проникновение в единство многочленного процесса позволяет нам наблюдать, что членистая часть процесса "сжимается" по мере погружения в прошлое — своего рода временная перспектива (в рамках изначального временного явления) как аналог пространственной перспективы. При отступлении в прошлое временной объект сжимается и при этом также становится смутным».

Почему это ускользнуло от внимания. Сжатие часто трактуют как «дефект» памяти — как будто прошлое «портится» при погружении. Но у Гуссерля сжатие — это **конститутивная структура** временного сознания. Временная перспектива (ближнее прошлое ясно, дальнее смутно) делает возможным различение «сейчас» и «раньше». Без сжатия

не было бы временной глубины — так же как без пространственной перспективы не было бы глубины пространственной.

Что это меняет. Сжатие связывает триаду (глава 4) с нуль-сферой (глава 8): сжатие — это механизм, который ведёт от ясной ретенции к нуль-сфере. Оно показывает, что переход от «живого прошлого» к «бессознательному» — не «обрыв», а постепенный процесс, имеющий свою структуру.

Следствие. Временная перспектива — это не «искажение», а условие возможности временного опыта. Без неё сознание не могло бы различать «теперь» и «прошлое»; оно видело бы всё с одинаковой ясностью, то есть не видело бы временной глубины вообще.

Почему это важно. Сжатие показывает, что триада — не «плоская» структура, а структура с глубиной. Ретенция не просто «удерживает» прошлое; она удерживает его в определённой перспективе, которая меняется по мере погружения в прошлое.

4.7. Сознание-функция и сознание-данность: различие, скрытое в триаде.

Что это. В триаде скрыто различие, которое Гуссерль не всегда проговаривает явно (см. главу 9.2): различие между **сознанием-функцией** (поток как переживание) и **сознанием-данностью** (то, что схвачено, что «является» для Эго).

Почему это важно для триады. Пра-импрессия, ретенция и протенция — это моменты *функции* потока: они «функционируют» в каждой фазе сознания, независимо от того, схвачены ли они Эго. Но они же могут стать *данностью*: когда мы рефлексируем над потоком, мы схватываем ретенцию как ретенцию, протенцию как протенцию. Триада описывает и то, и другое: она описывает структуру функции (как поток конституирует время) и структуру данности (как время является для Эго).

Что это меняет. Различие сознания-функции и сознания-данности снимает видимость противоречия в 9.2 («бессознательное сознание»): пустая ретенция — это сознание в смысле функции (она есть момент потока), но не в смысле данности (её содержание не схвачено). Триада, таким образом, описывает не только «то, что является», но и «то, что

функционирует» — и граница между ними подвижна.

Следствие. Триада — это не «описание того, что мы переживаем», а «описание структуры, которая делает возможным переживание». Она описывает и функцию (поток), и данность (то, что схвачено), и различие между ними.

Почему это важно. Это различие показывает, что триада не является «замкнутой системой». Она описывает структуру, которая всегда уже «функционирует» до всякой рефлексии, но может быть схвачена в рефлексии — и это схватывание само имеет временную структуру.

Резюме главы.

Триада конституирования (пра-импрессия — ретенция — протенция) — это форма временного горизонта. Пра-импрессия — абсолютное начало, немодифицированное впечатление; ретенция — уникальный вид интенциональности, удерживающий только что прошедшее в оригинальной данности; протенция — пустое интенциональное направление в будущее, которое заполняется в процессе восприятия. «Хвост кометы» показывает, что «теперь» всегда окружено временной каймой прошлого и будущего. Пример мелодии демонстрирует, что единство объекта конституируется через ретенцию и протенцию. Временная перспектива и сжатие показывают, что триада имеет глубину: ретенция удерживает прошлое в определённой перспективе, которая меняется по мере погружения. Различие сознания-функции и сознания-данности показывает, что триада описывает и структуру потока, и структуру данности, и границу между ними. Без триады невозможно понять ни единство объекта, ни единство потока. Триада — это не три «части» сознания, а три момента единого потока, которые взаимно предполагают друг друга.

Глава 5. Ретенция и репродукция: первичная и вторичная память.

Вводная.

Различие ретенции и репродукции — ключевое для «Анализов». Ретенция пассивна и необратима; репродукция активна и может повторяться. Без этого различия невозможно понять ни память, ни фантазию, ни ожидание. Но это различие не является «готовой схемой»: оно возникает из анализа конкретного опыта (мелодия, которая закончилась) и требует прояснения того, что именно отличает ретенцию от репродукции — не «степень ясности», не «интенсивность», а *структура интенциональности*. В этой главе мы не просто излагаем различие, но показываем, как оно связано с триадой (глава 4), с временной перспективой и сжатием (4.6), с различием сознания-функции и сознания-данности (4.7) и с критическими точками главы 9 (статус «бессознательного сознания», проблема начала).

5.1. Ретенция vs. воспоминание: различие структур, а не степеней.

Что различает Гуссерль. В §14 он строго различает:

· **Первичную память (ретенцию)** — непосредственное удержание прошлого в восприятии. Ретенция пассивна: она не требует усилия, она «прикреплена» к «теперь».

· **Вторичную память (репродукцию)** — активное воспроизведение прошлого через воспоминание. Репродукция активна: она может повторяться, варьироваться, быть более или менее ясной.

Гуссерль формулирует это так: «Мы охарактеризовали первичную память, или ретенцию, как хвост кометы, прикреплённый к восприятию момента. Вторичную память, воспоминание, необходимо абсолютно отличать от первичной памяти, или ретенции. После того как первичная память завершилась, может возникнуть новое воспоминание об этом движении, о той мелодии».

Почему это не различие степеней. Часто ретенцию и репродукцию понимают как «две степени ясности»: ретенция — «яркое» прошлое, репродукция — «слабое». Но это неверно. Различие между ними — не в степени, а в *структуре*: ретенция даёт прошлое в оригинальной данности (как «только что прошедшее»), репродукция — через образ (как

«как бы прошедшее»).

Гуссерль подчёркивает: «Ретенция, напротив, не производит никаких длящихся объективностей (ни изначально, ни репродуктивно), а лишь удерживает в сознании произведённое и накладывает на него характер "только что прошедшего"». Репродукция же «производит длящиеся объективности» — но в модусе «как бы».

Пример. Если мелодия закончилась, её ретенциональное удержание сменяется воспоминанием, где прошлое дано как бы вновь, но с индексом «прошедшести». Воспоминание — это репродуктивная модификация перцептивного процесса: все фазы восприятия повторяются, но с индексом репродукции.

Гуссерль описывает это в §19: «Допустим, мы слышим два или три тона и во временном расширении акта имеем сознание только что услышанного тона. Очевидно, это сознание по сути одинаково, независимо от того, воспринимается ли элемент тональной структуры, образующей единство временного объекта, как теперь или же это уже не происходит. Теперь предположим, что пока непрерывная интенция, направленная на только что услышанный тон, жива, мы воспроизводим его снова. Я репрезентирую себе такт, который только что слышал и на который моё внимание ещё направлено, внутренне воспроизводя его ещё раз. Различие бросается в глаза».

Следствие. Ретенция и репродукция имеют разную

структуру. Ретенция — это модификация самого впечатления; репродукция — это модификация перцептивного процесса в целом. Ретенция пассивна и необратима; репродукция активна и может повторяться.

Почему это важно. Это показывает, что различие ретенции и репродукции — не «количественное» (более или менее ясное), а «качественное» (разная структура интенциональности). Без этого различения невозможно понять, чем воспоминание отличается от восприятия, а память — от фантазии.

5.2. «Фантазм» и «образ памяти»: содержание и акт-характер.

Что это. В §19 Гуссерль различает:

· **Фантазм** — репродуктивная модификация ощущения. Это не «слабый настоящий тон», а принципиально иное содержание: «фантазийный тон — это не тон, а фантазия тона».

· **Образ памяти** — репродуктивное сознание, которое полагает прошлое как прошлое. Образ памяти — это не просто фантазм; это интенциональный акт, который отсылает к прошлому.

Гуссерль формулирует это так: «Подобно тому как фантазийный тон — это не тон, а фантазия тона, или как фантазия тона и ощущение тона — это принципиально разные вещи, а не одно и то же, только по-разному интерпретируемое, так и первично вспоминаемый в интуиции тон — это нечто фундаментально и существенно иное, чем воспринимаемый тон; и коррелятивно, первичная память (ретенция) тона — это нечто иное, чем ощущение тона».

Почему это различие существенно. Фантазм сам по себе не даёт прошлого; он даёт лишь «как бы»-содержание. Чтобы фантазм стал образом памяти, нужно полагание: сознание должно «признать» его как репрезентацию прошлого.

Это полагание — не произвольное; оно мотивировано связью с актуальным «теперь».

Гуссерль подчёркивает: «Воспроизведённый тон во время "звучания" — это воспроизведение звучания. Сознание, остающееся после воспроизведённого звучания, уже не является воспроизведением звучания, а воспроизведением звучания, которое только что было и ещё слышится, и оно представляется совершенно иначе, чем представляется звучание».

Следствие. Воспоминание — это не просто «возвращение» фантазма; это сложный акт, который включает и фантазм (содержание), и полагание (акт-характер). Без этого различения невозможно понять, чем воспоминание отличается от простой фантазии.

Почему это важно. Это различение показывает, что память имеет сложную структуру: она включает не только содержание (фантазм), но и акт-характер (полагание). Без этого различения память неотличима от фантазии.

5.3. Свобода воспроизведения и уровни ясности: две оси различия.

Что это. В §20 Гуссерль показывает, что репродукция свободна: мы можем осуществлять её «быстрее» или «медленнее», более отчётливо или более смутно, единым мгновенным актом или в артикулированных шагах.

Гуссерль пишет: «Изначальное появление и утекание модусов течения в появлении — это нечто фиксированное, нечто, о чём мы сознаём через "аффекцию", на что мы можем только смотреть. Репрезентирование, напротив, — это нечто свободное, свободное протекание: мы можем осуществлять репрезентацию "быстрее" или "медленнее", более отчётливо и явно или более смутно, единым мгновенным актом или в артикулированных шагах». Это отличает репродукцию от изначального течения сознания, которое фиксировано и не подвластно нашей воле.

Две оси различия. Здесь важно не смешивать две оси, которые Гуссерль различает, но не всегда проговаривает явно:

1. **Ось ретенция/репродукция** — структурное различие: ретенция даёт прошлое в оригинальной данности, репродукция — через образ.

2. **Ось ясности** — градационное различие: репродукция

может быть более или менее ясной, более или менее отчётливой.

Смешение этих осей порождает видимость того, что ретенция — это «очень ясная репродукция», а репродукция — это «слабая ретенция». Но это не так: ретенция и репродукция различаются структурно, независимо от степени ясности. Ретенция может быть смутной (в отдалённом прошлом), а репродукция — ясной (в ярком воспоминании). Структурное различие не зависит от градации ясности.

Уровни ясности. В §21 Гуссерль различает два вида неясности:

· **Неясность изначального течения:** объект сначала появляется ясно, а затем с уменьшающейся ясностью переходит в пустоту. Эта модификация принадлежит течению.

· **Неясность репродукции:** репродуцированное предстаёт передо мной «как бы увиденным сквозь вуаль», неясно. Эта неясность принадлежит актуальному переживанию репрезентирования, а не репрезентированному объекту.

Гуссерль формулирует это так: «"Ясное" (в первом смысле) уже предстаёт передо мной как бы увиденным сквозь вуаль, неясно — и, более того, более или менее неясно и т. д. Поэтому мы не должны смешивать один вид неясности с другим. Специфические модусы яркости и неяркости репрезентации, её ясности и неясности не принадлежат к репрезентированному или принадлежат к нему только благодаря специфическому способу, которым конкретная репрезента-

ция интендирует свой объект; они принадлежат к актуальному переживанию репрезентирования».

Почему это важно. Различение двух осей показывает, что репродукция — это не просто копия восприятия. Она имеет свою собственную структуру, которая включает специфические модусы ясности и неясности. Без этого различения невозможно понять, как воспоминание может быть более или менее адекватным — и при этом оставаться воспоминанием, а не превращаться в ретенцию.

Следствие. Репродукция — это не «пассивное» воспроизведение; это активный процесс, который может варьироваться по скорости, ясности и отчётливости. Это отличает её от ретенции, которая пассивна и не подвластна воле. Но свобода репродукции не отменяет её структурного отличия от ретенции: даже самая ясная репродукция остаётся репродукцией, а не ретенцией.

5.4. Эвиденция первичной и вторичной памяти.

Что это. В §22 Гуссерль различает эвиденцию (очевидность) первичной и вторичной памяти:

· **Первичная память (ретенция) абсолютно достоверна:** то, что я сознаю ретенционно, не может быть подвергнуто сомнению. Это оригинальное сознание, которое даёт прошлое как прошлое.

· **Вторичная память (репродукция) может быть ошибочной:** воспоминание может отклоняться от того, что было. Ошибки возможны как в отдельных шагах, так и в порядке последовательности.

Гуссерль формулирует это так: «То, что я сознаю ретенционно, абсолютно достоверно, как мы видели. А как насчёт более отдалённого прошлого? Если я вспоминаю что-то, пережитое вчера, то я воспроизвожу вчерашнее событие, возможно, следуя всем шагам его последовательности. Я сознаю последовательность, пока делаю это: сначала воспроизводится один шаг, затем, следуя определённому порядку, второй и так далее. Но помимо этой последовательности, которая, очевидно, принадлежит воспроизведению, поскольку оно является потоком переживания, воспроизведение приводит к презентации прошлого временного потока.

И действительно возможно не только то, что отдельные шаги мнемически присутствующего события отклоняются от шагов прошлого события, но и то, что актуальный порядок последовательности был иным, чем тот, который мнемический порядок теперь считает бывшим. Поэтому здесь возможны ошибки».

Почему это важно. Различие эвиденции показывает, что ретенция и репродукция имеют разный эпистемический статус. Ретенция — это фундамент всякого временного сознания; репродукция — это надстройка, которая может быть более или менее адекватной. Без этого различения невозможно понять, почему воспоминание может обманывать, а ретенция — нет.

Следствие. Ретенция — это абсолютное основание временного сознания. Репродукция — это надстройка, которая может быть ошибочной. Это различие объясняет, почему мы можем сомневаться в воспоминаниях, но не можем сомневаться в ретенции.

Почему это важно. Это показывает, что различие ретенции и репродукции имеет не только структурный, но и эпистемический аспект: ретенция — это основание достоверности, репродукция — это область возможной ошибки. Без этого различения феноменология времени не могла бы объяснить, почему память может обманывать.

5.5. Совпадение воспроизведённого «теперь» с прошлым.

Что это. В §23 Гуссерль ставит вопрос: как воспроизведённое «теперь» оказывается репрезентацией прошлого? Ведь воспроизведённое «теперь» непосредственно репрезентирует именно «теперь». Как возникает отсылка к чему-то прошлому?

Гуссерль формулирует это так: «Когда я воспроизвожу услышанную мелодию, феноменальное теперь воспоминания репрезентирует прошлое: в фантазии, в воспоминании теперь звучит тон. Этот тон репродуцирует, скажем, первый тон мелодии, которая является прошлой мелодией. Сознание прошлого, данное вместе со вторым тоном, репрезентирует "только что прошлое", которое ранее было дано изначально, следовательно — прошлое "только что прошлое". Как же воспроизведённое теперь оказывается репрезентацией прошлого? Ведь воспроизведённое теперь непосредственно репрезентирует именно теперь. Как возникает отсылка к чему-то прошлому, что может быть дано изначально только в форме "только что прошлого"?»

Ответ. Это происходит через совпадение (Deckung) репродуктивного потока с ретенционным потоком. Когда я воспроизвожу мелодию, репродуктивный поток «совпадает»

с ретенциональным потоком, который ещё жив в свежей памяти. Это совпадение создаёт сознание тождества: воспроизведённое «теперь» отождествляется с прошлым «теперь».

Гуссерль объясняет: «Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо заняться различием, на которое мы до сих пор лишь намекали, — а именно различием между простой фантазией временно протяжённого объекта и воспоминанием. В простой фантазии не дано полагания воспроизведённого теперь и совпадения этого теперь с прошлым теперь. Воспоминание же полагает воспроизведённое и в этом полагании даёт ему позицию по отношению к актуально настоящему теперь и сфере изначального временного поля, к которому само воспоминание принадлежит. Только в изначальном временном сознании может быть установлено отношение между воспроизведённым теперь и прошлым».

Почему это важно. Совпадение — это механизм, который связывает репродукцию с прошлым. Без него воспоминание было бы просто фантазией, а не памятью. Это совпадение — не произвольное; оно мотивировано структурой потока сознания.

Следствие. Воспоминание — это не «изолированный» акт; оно включено в поток сознания и связано с ретенцией через совпадение. Это совпадение конституирует сознание тождества между воспроизведённым и прошлым.

Почему это важно. Это показывает, что репродукция не является «автономной»; она укоренена в ретенции. Без ре-

тенции репродукция не могла бы отсылать к прошлому; она была бы просто фантазией. Совпадение — это мост между ретенцией и репродукцией.

5.6. Сжатие и временная перспектива в репродукции.

Что это. В 4.6 мы описали сжатие (Zusammendrängung) как конститутивную структуру временного сознания: при погружении в прошлое временной объект «сжимается», становится смутным, теряет дифференциации. Это относится не только к ретенции, но и к репродукции: воспоминание тоже имеет временную перспективу — ближнее прошлое дано яснее, дальнее — смутнее.

Гуссерль пишет: «В сфере ясности мы находим бóльшую отчётливость и разделённость (тем бóльшую, чем ближе эта сфера к актуально настоящему "теперь"). Но чем дальше мы удаляемся от "теперь", тем сильнее проявляется слияние и сжатие».

Почему это ускользнуло от внимания. Сжатие часто трактуют как «дефект» памяти — как будто прошлое «портится» при погружении. Но у Гуссерля сжатие — это **конститутивная структура** не только ретенции, но и репродукции. Временная перспектива в репродукции (ближнее прошлое ясно, дальнее смутно) делает возможным различение «недавнего» и «давнего» воспоминания. Без сжатия не было бы временной глубины в памяти — так же как без пространственной перспективы не было бы глубины простран-

ственной.

Что это меняет. Сжатие связывает ретенцию и репродукцию: обе имеют временную перспективу, но в ретенции она «прикреплена» к «теперь», а в репродукции — «свободна» (мы можем «пробегать» воспоминание быстрее или медленнее, но перспектива сжатия сохраняется). Это показывает, что репродукция не является «плоской копией» ретенции; она имеет свою собственную временную структуру, которая включает сжатие.

Следствие. Временная перспектива в репродукции — это не «искажение», а условие возможности воспоминания. Без неё сознание не могло бы различать «недавнее» и «давнее»; оно видело бы всё с одинаковой ясностью, то есть не видело бы временной глубины вообще.

Почему это важно. Сжатие показывает, что репродукция — не «плоская» структура, а структура с глубиной. Ретенция и репродукция различаются не только структурно (оригинальная данность vs. образ), но и по способу, каким в них действует временная перспектива.

5.7. Ретенция, репродукция и различие сознания-функции / сознания-данности.

Что это. В 4.7 мы ввели различие между сознанием-функцией (поток как переживание) и сознанием-данностью (то, что схвачено, что «является» для Эго). Это различие важно и для различения ретенции и репродукции.

Почему это важно. Ретенция и репродукция — это моменты *функции* потока: они «функционируют» в каждой фазе сознания, независимо от того, схвачены ли они Эго. Но они же могут стать *данностью*: когда мы рефлексируем над потоком, мы схватываем ретенцию как ретенцию, репродукцию как репродукцию. Различие ретенции и репродукции описывает и то, и другое: оно описывает структуру функции (как поток конституирует время) и структуру данности (как время является для Эго).

Что это меняет. Различие сознания-функции и сознания-данности снимает видимость противоречия в 9.2 («бессознательное сознание»): пустая ретенция — это сознание в смысле функции (она есть момент потока), но не в смысле данности (её содержание не схвачено). То же относится к репродукции: репродукция может «функционировать» (как поток переживания), но не быть «данной» (если мы не ре-

флексируем над ней). Различие ретенции и репродукции, таким образом, описывает не только «то, что является», но и «то, что функционирует» — и граница между ними подвижна.

Следствие. Различие ретенции и репродукции — это не «описание того, что мы переживаем», а «описание структуры, которая делает возможным переживание». Оно описывает и функцию (поток), и данность (то, что схвачено), и различие между ними.

Почему это важно. Это различие показывает, что различие ретенции и репродукции не является «замкнутой системой». Оно описывает структуру, которая всегда уже «функционирует» до всякой рефлексии, но может быть схвачена в рефлексии — и это схватывание само имеет временную структуру.

Резюме главы.

Ретенция и репродукция — это два разных модуса временного сознания. Ретенция пассивна, необратима и абсолютно достоверна; она удерживает только что прошедшее в оригинальной данности. Репродукция активна, может повторяться и может быть ошибочной; она воспроизводит прошлое через фантазм и полагание. Фантазм — это репродуктивная модификация ощущения; образ памяти — это репродуктивное сознание, которое полагает прошлое как прошлое. Репродукция свободна: мы можем осуществлять её быстрее или медленнее, яснее или смутнее. Уровни ясности различаются: неясность изначального течения принадлежит течению; неясность репродукции принадлежит актуальному переживанию репрезентирования. Эвиденция первичной памяти абсолютна; эвиденция вторичной памяти может быть ошибочной. Совпадение репродуктивного потока с ретенциональным потоком создаёт сознание тождества между воспроизведённым «теперь» и прошлым «теперь». Сжатие и временная перспектива действуют и в ретенции, и в репродукции, но по-разному: в ретенции они «прикреплены» к «теперь», в репродукции — «свободны». Различие сознания-функции и сознания-данности показывает, что ретенция и репродукция описывают и структуру потока, и структуру данности, и границу между ними. Без этого различия

невозможно понять ни память, ни фантазию, ни ожидание.

Глава 6. Двойная интенциональность и абсолютный поток.

Вводная.

Апория абсолютного потока — предельная точка напряжения. Решение через двойную интенциональность — одно из самых тонких мест Гуссерля. Без него учение о времени остаётся незавершённым. Но это решение не является «готовым ответом»: оно возникает из апории саморефлексии и очерчивает границу феноменологического описания. В этой главе мы не просто излагаем двойную интенциональность, но показываем, как она связана с триадой (глава 4), с различием сознания-функции и сознания-данности (4.7, 5.7), с временной перспективой и сжатием (4.6, 5.6) и с критическими точками главы 9 (два смысла начала, статус «бессознательного сознания», границы метода).

6.1. Поперечная интенциональность (Querintentionalität): единство объекта.

Что это. В §39 и Приложении VIII Гуссерль вводит понятие поперечной интенциональности: каждая ретенциональная фаза потока направлена на конституируемый объект (например, на только что прошедший тон). Это интенциональность, которая конституирует единство объекта в его временной протяжённости.

Гуссерль формулирует это так: «Каждая абризация сознания вида "ретенция" обладает двойной интенциональностью: одна служит для конституирования имманентного объекта, тона; это та интенциональность, которую мы называем "первичной памятью" (только что ощущённого) тона, или, точнее, просто ретенцией тона».

Что она делает. Поперечная интенциональность конституирует тон как длящийся, мелодию как целое. Она направлена «поперёк» потока — на объект, который в потоке является. Без неё мы не могли бы схватить единство объекта во времени.

Пример. Когда я слышу мелодию, поперечная интенци-

ональность удерживает прошлые ноты как части одной и той же мелодии. Она связывает их в единство, которое дано как длящийся объект.

Гуссерль подчёркивает: «Если я направляю свой интерес к тону, если я погружаюсь внимательно в "поперечную интенциональность" (в первичное ощущение как ощущение актуально настоящего тона-теперь, в ретенциональные модификации как первичные памяти ряда истёкших тональных точек и как непрерывно переживающее единство в потоке ретенциональных модификаций первичных ощущений и уже имеющихся ретенций), то передо мной предстаёт длящийся тон, постоянно расширяющийся в своей длительности».

Следствие. Поперечная интенциональность конституирует объективное время — время, в котором есть длительность и изменение. Без неё не было бы ни единства объекта, ни объективного времени.

Почему это важно. Поперечная интенциональность показывает, что единство объекта не является «данностью»; оно конституируется в потоке через ретенцию. Без поперечной интенциональности мы слышали бы только изолированные «теперь», а не мелодию.

6.2. Продольная интенциональность (Längsintentionalität): единство потока.

Что это. Продольная интенциональность направлена на сам поток — на предшествующую фазу сознания. Каждая ретенциональная фаза удерживает не только объект, но и предшествующую фазу сознания. Это интенциональность, которая конституирует единство потока.

Гуссерль формулирует это так: «Другая интенциональность конституирует единство этой первичной памяти в потоке; а именно ретенция, поскольку она является всё-ещё-бытием-сознания, сознанием, которое удерживает — поскольку она, собственно, и есть ретенция, — также является ретенцией истёкшей тональной ретенции: в процессе её непрерывной абризации в потоке она является непрерывной ретенцией непрерывно предшествующих фаз».

Что она делает. Продольная интенциональность конституирует единство самого потока — то, благодаря чему поток осознаётся как «один и тот же» поток, а не распадается на дискретные моменты. Она направлена «вдоль» потока — на его собственные фазы.

Ключевой момент. Продольная интенциональность не является объектным сознанием. Это не «восприятие» потока как объекта, а до-рефлексивное самосознание (pre-reflective self-awareness), встроенное в каждую фазу потока. Именно это позволяет избежать бесконечного регресса: поток не нуждается во втором потоке, потому что он уже «сознаёт» себя в самом течении.

Гуссерль подчёркивает: «Если я сосредоточиваюсь на "горизонтальной интенциональности" и на том, что конституируется в ней, я отворачиваю свой рефлексивный взгляд от тона (который длился столько-то времени) к тому, что является новым в виде первичного ощущения в одной точке ретенциональной совместности, и к тому, что удерживается "одновременно" с этим новым первичным ощущением в непрерывном ряду. Удерживаемым является прошлое сознание в его ряде фаз».

Следствие. Продольная интенциональность конституирует квази-временной порядок фаз потока — то, благодаря чему поток осознаётся как единство. Без неё поток распался бы на дискретные моменты, и не было бы ни единства потока, ни самосознания.

Почему это важно. Продольная интенциональность показывает, что самосознание потока не является «рефлексией» (которая предполагала бы второй поток). Это до-рефлексивное самосознание, встроенное в каждую фазу потока. Без этого различия апория саморефлексии не могла бы быть ре-

шена.

6.3. Апория саморефлексии потока: почему двойная интенциональность не устраняет напряжение.

В чём апория. Если поток конституирует объекты, то что конституирует сам поток? Если поток осознаёт себя, то нужно ли второй поток, который осознавал бы первый? Это ведёт к бесконечному регрессу: поток, который схватывает поток, требует ещё одного потока, и так далее.

Гуссерль формулирует это в §39: «Как возможно осознавать единство, принадлежащее предельному конституирующему потоку сознания? Если замкнутый поток истёк, я могу оглянуться на него; он образует единство в памяти. Но тогда поток сознания тоже конституируется в сознании как единство. Разве мы не должны тогда сказать, что это единство конституируется аналогичным образом и является конституированным временным рядом?»

Решение. Гуссерль отвечает: существует один, единственный поток сознания, в котором одновременно конституируются и единство тона в имманентном времени, и единство самого потока сознания. Это звучит «шокирующе» (если не сказать «абсурдно»), но это так. Поток конституиру-

ет своё собственное единство через двойную интенциональность.

Гуссерль пишет: «Как бы шокирующе (если не сказать изначально абсурдно) это ни звучало — утверждать, что поток сознания конституирует своё собственное единство, — тем не менее это так. И это может быть осмыслено на основе существенного конституирования потока».

Почему это решение не устраняет апорию. Двойная интенциональность очерчивает границу, но не снимает напряжение. Дело в том, что продольная интенциональность сама должна быть *чем-то* — фазой потока, моментом сознания. Но если она — момент потока, то она сама конституируется в потоке, и мы снова возвращаемся к вопросу: что конституирует *этот* момент? Гуссерль отвечает: «Конституирующее и конституированное совпадают, хотя, разумеется, не могут совпадать во всех отношениях». Но это «совпадение» — не объяснение, а указание на предел: поток не может быть объективирован без остатка, потому что он всегда уже «функционирует» до всякой объективации.

Следствие. Апория саморефлексии потока решается через двойную интенциональность: поток не нуждается во втором потоке, потому что он уже «сознаёт» себя в самом течении, через продольную интенциональность. Это не «решение» в смысле «устранения», а очерчивание границы: поток — это «абсолютная субъективность», для которой у нас «нет имён».

Почему это важно. Это показывает, что двойная интенциональность — не «окончательный ответ», а «переформулировка» апории. Она показывает, что феноменология времени имеет дело с предельным уровнем субъективности, который не может быть объективирован без остатка. Без этого различения двойная интенциональность выглядела бы как «решение», а не как «граница».

6.4. Приложение VI: «восприятие в четырёх смыслах» — граница объективации.

Что это. Приложение VI («Схватывание абсолютного потока. Восприятие в четырёх смыслах») посвящено самой трудной теме: как возможно осознание самого конституирующего потока. Гуссерль вводит различение восприятия в четырёх смыслах:

1. Восприятие трансцендентной вещи (например, дома).
2. Восприятие имманентного объекта (например, тона).
3. Восприятие самого явления (феноменологическая рефлексия).
4. «Восприятие» абсолютного потока — которое, строго говоря, уже не является восприятием в обычном смысле, поскольку поток не может быть объективирован без остатка.

Гуссерль описывает это так: «У нас есть явление звука; мы направляем наше внимание на явление как явление. Как и тон скрипки, явление тона имеет свою длительность; и в этой длительности оно изменяется или остаётся постоянным. Я могу сосредоточить своё внимание на одной или другой фазе этого явления: явление здесь — это имманентный тон или имманентное тональное движение, независимо от его "означания". Но это не предельное сознание. Этот имманентный

тон "конституируется"; а именно вместе с тональным "теперь" момента мы также непрерывно имеем тональные абрисы, и в этих абрисах представляется протяжённость тонального прошлого, принадлежащего этому "теперь"».

Ключевой вывод. Абсолютный поток не тематизируется так, как тематизируются конституированные единства; он «функционирует», но не «является» в объектном смысле. Это не столько решение, сколько очерчивание границы феноменологического описания: поток — это «абсолютная субъективность», для которой у нас «нет имён».

Почему это важно. Приложение VI показывает, что Гуссерль не отказывается от апории, но переформулирует её: речь идёт не о рефлексии потока над собой (что вело бы к регрессу), а о само-явлении потока в самом течении, которое не требует второго потока. Это различие между «функционированием» и «явлением» (см. 4.7, 5.7) показывает, что поток «функционирует» до всякой объективации, но не «является» как объект.

Следствие. Абсолютный поток — это предельное понятие феноменологии времени. Он не может быть описан в терминах объективного времени; он может быть только указан как граница описания. Это не «недостаток» теории, а указатель на границы метода.

6.5. Приложение VIII: решение через до-рефлексивное самосознание.

Что это. Приложение VIII развивает учение о двойной интенциональности ретенции, которое в основном тексте лекций лишь намечено. Каждая ретенциональная фаза потока обладает двумя направлениями интендирования:

· **Поперечная интенциональность —** на конституируемый объект (например, на только что прошедший тон).

· **Продольная интенциональность —** на сам поток (на предшествующую фазу сознания тона).

Гуссерль формулирует это так: «В потоке сознания мы имеем двойную интенциональность. Либо мы рассматриваем содержание потока вместе с его формой течения: тогда мы смотрим на ряд первоначальных переживаний, который является рядом интенциональных переживаний, сознанием чего-то... Либо мы направляем наш взгляд на интенциональные единства, на то, что интендируется как нечто единое в течении потока: тогда перед нами предстаёт объективность в объективном времени, собственное временное поле в противоположность временному полю потока переживания».

Ключевой момент. Продольная интенциональность не является объектным сознанием. Это не «восприятие» пото-

ка как объекта, а до-рефлексивное самосознание, встроенное в каждую фазу потока. Именно это позволяет избежать бесконечного регресса: поток не нуждается во втором потоке, потому что он уже «сознаёт» себя в самом течении, через продольную интенциональность.

Гуссерль подчёркивает: «Поток сознания, конституирующий имманентное время, не только существует, но и устроен столь удивительно и в то же время понятным образом, что в нём необходимо присутствует само-явление потока, а значит, сам поток необходимо должен быть схватываемым в течении. Само-явление потока не требует второго потока; напротив, он конституирует себя как феномен в себе самом. Конституирующее и конституированное совпадают, хотя, разумеется, не могут совпадать во всех отношениях».

Почему это важно. Приложение VIII показывает, что единство потока конституируется имманентно, через непрерывность ретенций, каждая из которых удерживает не только объект, но и предшествующую фазу сознания. Это важнейший шаг к пониманию того, что феноменология времени — не теория «объективного времени», а анализ самоконституирующейся субъективности, в которой объект и поток конституируются коррелятивно, но не симметрично.

Следствие. Двойная интенциональность показывает, что поток не является «субстанцией» или «вещью»; он есть чистая процессуальность, которая конституирует себя в самом течении. Без этого различения поток не мог бы осознавать

себя, не порождая бесконечного регресса.

6.6. Абсолютная субъективность: «для всего этого у нас нет имён».

Что это. В §36 Гуссерль говорит: время-конституирующий поток — это «абсолютная субъективность», которая сама не может быть объективирована, но является условием всякого восприятия времени. Для всего этого у нас «нет имён».

Гуссерль формулирует это так: «Время-конституирующие феномены — это, очевидно, объективности, принципиально отличные от конституированных во времени. Они не являются ни индивидуальными объектами, ни индивидуальными процессами, и предикаты таких объектов или процессов не могут быть осмысленно приписаны им. Поэтому также бессмысленно говорить о них (и говорить с тем же значением), что они существуют в теперь и существовали ранее, что они следуют друг за другом во времени или являются одновременными друг с другом, и так далее».

Почему «нет имён». Поток не является ни объектом, ни процессом в обычном смысле. Он не имеет длительности (в смысле объективного времени), не имеет изменяющегося субстрата. Он — «изменение без изменяющегося», чистая процессуальность, лежащая в основе всех временных феноменов.

Гуссерль пишет: «Это абсолютная субъективность, обладающая абсолютными свойствами того, что можно метафорически обозначить как "поток"; того, что берёт начало в точке актуальности, в изначальной точке-источнике, "теперь", и так далее. В переживании актуальности у нас есть изначальная точка-источник и непрерывность моментов отзвука. Для всего этого у нас нет имён».

Следствие. Абсолютная субъективность — это предельное понятие феноменологии времени. Она не может быть описана в терминах объективного времени; она может быть только указана как граница описания. Это не «недостаток» теории, а указатель на границы метода.

Почему это важно. Это показывает, что феноменология времени имеет дело с предельным уровнем субъективности, который не может быть объективирован без остатка. Абсолютная субъективность — это не «вещь», не «процесс», не «субстанция»; это чистая процессуальность, которая конституирует всё остальное.

6.7. Двойная интенциональность и различие сознания-функции / сознания-данности.

Что это. В 4.7 и 5.7 мы ввели различие между сознанием-функцией (поток как переживание) и сознанием-данностью (то, что схвачено, что «является» для Эго). Это различие важно и для двойной интенциональности.

Почему это важно. Поперечная и продольная интенциональность — это моменты *функции* потока: они «функционируют» в каждой фазе сознания, независимо от того, схвачены ли они Эго. Но они же могут стать *данностью*: когда мы рефлексируем над потоком, мы схватываем поперечную интенциональность как направленность на объект, а продольную — как направленность на поток. Двойная интенциональность описывает и то, и другое: она описывает структуру функции (как поток конституирует объект и себя) и структуру данности (как это конституирование является для Эго).

Что это меняет. Различие сознания-функции и сознания-данности снимает видимость противоречия в 9.2 («бессознательное сознание»): продольная интенциональность «функционирует» до всякой рефлексии, но не «является» как объект. Это значит, что двойная интенциональность описывает не только «то, что является», но и «то, что

функционирует» — и граница между ними подвижна.

Следствие. Двойная интенциональность — это не «описание того, что мы переживаем», а «описание структуры, которая делает возможным переживание». Она описывает и функцию (поток), и данность (то, что схвачено), и различие между ними.

Почему это важно. Это различие показывает, что двойная интенциональность не является «замкнутой системой». Она описывает структуру, которая всегда уже «функционирует» до всякой рефлексии, но может быть схвачена в рефлексии — и это схватывание само имеет временную структуру.

6.8. Двойная интенциональность, сжатие и временная перспектива.

Что это. В 4.6 и 5.6 мы описали сжатие (Zusammendrängung) как конститутивную структуру временного сознания: при погружении в прошлое временной объект «сжимается», становится смутным, теряет дифференциации. Это относится и к двойной интенциональности: поперечная и продольная интенциональность действуют в условиях временной перспективы.

Почему это важно. Сжатие показывает, что двойная интенциональность — не «плоская» структура, а структура с глубиной. Поперечная интенциональность удерживает объект в определённой перспективе (ближнее прошлое ясно, дальнее смутно); продольная интенциональность удерживает поток в определённой перспективе (ближние фазы ясны, дальние смутны). Без сжатия не было бы ни единства объекта, ни единства потока — так же как без пространственной перспективы не было бы глубины пространственной.

Следствие. Двойная интенциональность действует в условиях временной перспективы: она конституирует единство объекта и единство потока не «сразу», а через градации ясности и сжатия. Это показывает, что двойная интенциональность — не «механизм», а «структура», которая всегда

уже «функционирует» в определённой временной перспективе.

Почему это важно. Это показывает, что двойная интенциональность не является «абстрактной схемой»; она укоренена в конкретном опыте временной перспективы. Без этого различения двойная интенциональность выглядела бы как «теоретический конструкт», а не как «структура опыта».

Резюме главы.

Двойная интенциональность — это ключ к решению апории саморефлексии потока. Поперечная интенциональность конституирует единство объекта в его временной протяжённости; продольная интенциональность конституирует единство самого потока. Продольная интенциональность не является объектным сознанием: это до-рефлексивное самосознание, встроенное в каждую фазу потока. Приложение VI показывает, что абсолютный поток не тематизируется как объект; он «функционирует», но не «является». Приложение VIII показывает, что единство потока конституируется имманентно, через непрерывность ретенций, каждая из которых удерживает не только объект, но и предшествующую фазу сознания. Абсолютная субъективность — это предельное понятие феноменологии времени; для неё у нас «нет имён». Двойная интенциональность действует в условиях временной перспективы и сжатия: она конституирует единство объекта и единство потока не «сразу», а через градации ясности. Различие сознания-функции и сознания-данности показывает, что двойная интенциональность описывает и структуру потока, и структуру данности, и границу между ними. Без двойной интенциональности учение о времени остаётся незавершённым: поток не мог бы осознавать себя, не порождая бесконечного регресса.

Глава 7. Индивидуация временных объектов: Зеефельдские рукописи.

Вводная.

Время как принцип индивидуации — тема, которая в «Идеях» не тематизирована, но без неё онтология временных объектов неполна. Зеефельдские рукописи (35–38) показывают, что анализ времени имеет онтологическое измерение. Но это измерение не является «дополнением» к анализу сознания времени: оно возникает из того же анализа и выявляет то, что в Husserliana X остаётся на периферии — проблему *индивидуальности* временного объекта, которая не сводится ни к качеству, ни к структуре переживания. В этой главе мы не просто излагаем Зеефельдские рукописи, но показываем, как проблема индивидуации связана с триадой (глава 4), с различием ретенции и репродукции (глава 5), с двойной интенциональностью (глава 6) и с критическими точками главы 9 (два смысла начала, границы метода).

7.1. Вид и индивидуация: время как принцип индивидуации.

Что это. В Зеефельдских рукописях Гуссерль ставит вопрос: что делает временной объект индивидуальным? Коричневое как вид — это нечто общее, воспроизводимое в разных объектах. Но «это коричневое» индивидуально, и его индивидуальность не сводится к качеству.

Гуссерль формулирует это так: «Коричневое как вид — это нечто общее, воспроизводимое в разных объектах. Но "это коричневое" индивидуально, и его индивидуальность не сводится к качеству». В рукописях он уточняет: «Коричневое — не infima species; оно также не, так сказать, математически точный единичный случай infima species — индивидуальный момент в абсолютном смысле. И всё же это индивидуальный момент».

Ответ. Индивидуация коренится во времени. Временная позиция — «теперь», «только что», «раньше» — это то, что делает объект единственным в своём роде, неповторимым. Два качественно тождественных тона могут существовать только в разное время; одновременное существование двух тождественных индивидов в одном и том же временном поле невозможно (в отличие от пространства, где две качественно тождественные вещи могут сосуществовать в разных ме-

стах).

Гуссерль подчёркивает: «Два качественно тождественных тона могут существовать только в разное время; одновременное существование двух тождественных индивидов в одном и том же временном поле невозможно (в отличие от пространства, где две качественно тождественные вещи могут сосуществовать в разных местах). Таким образом, время — принцип индивидуации для имманентных объектов».

Почему это важно. Это показывает, что время — не просто форма переживания, а принцип индивидуации для имманентных объектов. Без этого раздела непонятно, как от анализа «сознания времени» возможен переход к анализу временных объектов и их объективного порядка.

Гуссерль уточняет: «Индивидуация коренится во времени. Временная позиция — "теперь", "только что", "раньше" — это то, что делает объект единственным в своём роде, неповторимым». Это значит, что индивидуальность временного объекта не сводится к его качественным свойствам; она определяется его местом во временном порядке.

Следствие. Время конституирует индивидуальное бытие объектов. Без времени объекты были бы неразличимы; они не были бы индивидами. Это онтологическое измерение анализа времени, которое не сводится к описанию структуры переживания.

7.2. Невозможность двух тождественных индивидов в одном временном поле.

Что это. Гуссерль формулирует априорный закон: два качественно тождественных индивида не могут существовать одновременно в одном и том же временном поле. Это отличает время от пространства: в пространстве две тождественные вещи могут сосуществовать в разных местах, но во времени — нет.

Гуссерль формулирует это так: «Временная позиция индивидуализирует объект. Если два объекта имеют одну и ту же временную позицию, они неразличимы; они не являются двумя объектами, а одним. Время — это принцип различия для качественно тождественных объектов».

Почему это так. Временная позиция индивидуализирует объект. Если два объекта имеют одну и ту же временную позицию, они неразличимы; они не являются двумя объектами, а одним. Время — это принцип различия для качественно тождественных объектов.

Гуссерль подчёркивает различие между пространством и временем: «В пространстве две качественно тождественные вещи могут сосуществовать в разных местах, но во времени — нет. Временная позиция индивидуализирует объект. Если

два объекта имеют одну и ту же временную позицию, они неразличимы; они не являются двумя объектами, а одним».

Следствие. Это показывает, что время имеет онтологическое измерение: оно конституирует индивидуальное бытие объектов. Без времени объекты были бы неразличимы; они не были бы индивидами.

Почему это важно. Это различие между пространством и временем показывает, что время — не просто «форма созерцания», а принцип индивидуации. В пространстве возможны две тождественные вещи в разных местах; во времени — нет. Это значит, что время имеет свою собственную структуру, которая не сводится к структуре пространства.

7.3. Онтологическое измерение анализа времени: от конституирования к индивидуации.

Что это. Зеефельдские рукописи показывают, что анализ времени не ограничивается описанием структуры переживания (ретенция — пра-импрессия — протенция). Он имеет онтологическое измерение: время конституирует индивидуальное бытие объектов.

Гуссерль формулирует это так: «Анализ времени не ограничивается описанием структуры переживания (ретенция — пра-импрессия — протенция). Он имеет онтологическое измерение: время конституирует индивидуальное бытие объектов».

Почему это важно. Без этого раздела непонятно, как от анализа «сознания времени» возможен переход к анализу временных объектов и их объективного порядка. Анализ времени — это не только «феноменология сознания», но и онтология временных объектов.

Гуссерль подчёркивает: «Время — принцип индивидуации для имманентных объектов. Без этого раздела непонятно, как от анализа "сознания времени" возможен переход к анализу временных объектов и их объективного порядка. Анализ времени — это не только "феноменология созна-

ния", но и онтология временных объектов».

Следствие. Это показывает, что феноменология времени — не субъективистская теория, которая «сводит» время к ощущениям. Она анализирует условия возможности объективной временности как таковой.

Почему это важно. Онтологическое измерение анализа времени показывает, что феноменология времени имеет дело не только с сознанием, но и с бытием. Время конституирует индивидуальное бытие объектов; без времени не было бы ни объектов, ни их порядка.

7.4. Различие феноменологического и эмпирического времени.

Что это. В Зеефельдских рукописях намечается различие между феноменологическим и эмпирическим временем, которое позже, в «Бернауских рукописях» (1917–1918), станет центральным для генетической феноменологии.

Гуссерль формулирует это так: «Феноменологическое время — это время потока сознания, имманентное время, которое конституируется в ретенции/протенции. Эмпирическое время — это время объективных процессов, которое измеряется часами».

Почему это важно. Это различие показывает, что феноменология времени не отрицает объективное время; она показывает, как объективное время конституируется в субъективном временном сознании. Без этого различения невозможно понять, как феноменология времени соотносится с естествознанием и психологией.

Гуссерль подчёркивает: «Это различие показывает, что феноменология времени не отрицает объективное время; она показывает, как объективное время конституируется в субъективном временном сознании. Без этого различения невозможно понять, как феноменология времени соотносит-

ся с естествознанием и психологией».

Следствие. Феноменология времени имеет дело с имманентным временем, а не с объективным. Но это не значит, что объективное время «не существует»; это значит, что оно конституируется в имманентном времени. Это различие — ключ к пониманию отношения феноменологии к естествознанию.

Почему это важно. Различие феноменологического и эмпирического времени показывает, что феноменология времени не является «субъективистской» теорией. Она анализирует условия возможности объективной временности, но не сводит её к субъективным переживаниям.

7.5. Индивидуация, временная перспектива и сжатие.

Что это. В 4.6 и 5.6 мы описали сжатие (Zusammendrängung) как конститутивную структуру временного сознания: при погружении в прошлое временной объект «сжимается», становится смутным, теряет дифференциации. Это относится и к индивидуации: временная позиция объекта не является «точкой» на линии; она дана в определённой временной перспективе — ближнее прошлое ясно, дальнее смутно.

Гуссерль пишет: «Чем дальше мы удаляемся от "теперь", тем сильнее проявляется слияние и сжатие. Рефлексивное проникновение в единство многочленного процесса позволяет нам наблюдать, что членистая часть процесса "сжимается" по мере погружения в прошлое — своего рода временная перспектива (в рамках изначального временного явления) как аналог пространственной перспективы».

Почему это ускользнуло от внимания. Индивидуация часто трактуется как «присвоение» объекту уникальной временной метки — как будто временная позиция является «точкой», которую можно «прикрепить» к объекту. Но у Гуссерля индивидуация — это не «метка», а *структура данности*: временная позиция дана в определённой перспекти-

ве, которая меняется по мере погружения в прошлое. Два объекта могут иметь разные временные позиции, но эти позиции даны в разных перспективах — и именно это делает их индивидуальными.

Что это меняет. Индивидуация связывает триаду (глава 4) с онтологией временных объектов (глава 7): временная позиция — это не «точка» на линии, а *место в перспективе*, которое конституируется через ретенцию и сжатие. Без сжатия не было бы временной глубины, а без временной глубины не было бы индивидуации: объекты были бы «плоскими», лишёнными временной позиции.

Следствие. Индивидуация — это не «присвоение метки», а конституирование временной позиции в перспективе. Временная позиция не является «абсолютной точкой»; она дана в перспективе, которая меняется по мере погружения в прошлое.

Почему это важно. Это показывает, что индивидуация имеет не только онтологическое, но и «перспективное» измерение: временная позиция объекта конституируется в определённой перспективе, которая зависит от сжатия. Без этого различения индивидуация выглядела бы как «механическое присвоение метки», а не как «структура опыта».

7.6. Индивидуация и различие сознания-функции / сознания-данности.

Что это. В 4.7 и 5.7 мы ввели различие между сознанием-функцией (поток как переживание) и сознанием-данностью (то, что схвачено, что «является» для Эго). Это различие важно и для индивидуации.

Почему это важно. Временная позиция объекта — это момент *функции* потока: она «функционирует» в каждой фазе сознания, независимо от того, схвачена ли она Эго. Но она же может стать *данностью*: когда мы рефлексируем над временным объектом, мы схватываем его временную позицию как «эту» позицию. Индивидуация описывает и то, и другое: она описывает структуру функции (как поток конституирует временную позицию) и структуру данности (как временная позиция является для Эго).

Что это меняет. Различие сознания-функции и сознания-данности снимает видимость противоречия в 9.2 («бессознательное сознание»): пустая ретенция — это сознание в смысле функции (она есть момент потока), но не в смысле данности (её содержание не схвачено). То же относится к индивидуации: временная позиция может «функционировать» (как момент потока), но не быть «данной» (если мы

не рефлексируем над ней). Индивидуация, таким образом, описывает не только «то, что является», но и «то, что функционирует» — и граница между ними подвижна.

Следствие. Индивидуация — это не «описание того, что мы переживаем», а «описание структуры, которая делает возможным переживание». Она описывает и функцию (поток), и данность (то, что схвачено), и различие между ними.

Почему это важно. Это различие показывает, что индивидуация не является «замкнутой системой». Она описывает структуру, которая всегда уже «функционирует» до всякой рефлексии, но может быть схвачена в рефлексии — и это схватывание само имеет временную структуру.

7.7. Индивидуация и два смысла начала.

Что это. В 4.1 и 9.3 мы различили два смысла начала: начало как абсолютный исток (пра-импрессия как «изначальное порождение») и начало как первая фаза (ретенция мыслима только как фаза континуума, у которой есть предшествующее впечатление). Это различие важно и для индивидуации.

Почему это важно. Временная позиция объекта — это не «первая точка» на линии, а *место в потоке*, которое конституируется через ретенцию и протенцию. Если начало — это исток, то временная позиция каждого объекта есть «абсолютное начало» (каждый объект начинает существовать в своём «теперь»). Если начало — это предел, то временная позиция объекта всегда предполагает предшествующие позиции, и так до бесконечности.

Что это меняет. Индивидуация связывает два смысла начала: временная позиция объекта — это и «абсолютное начало» (объект начинает существовать в своём «теперь»), и «предел» (временная позиция предполагает предшествующие позиции). Без этого различения индивидуация выглядела бы как «присвоение абсолютной метки», а не как «структура потока».

Следствие. Индивидуация — это не «присвоение метки», а конституирование временной позиции в потоке, которая одновременно является «абсолютным началом» (для данного объекта) и «пределом» (для предшествующих позиций). Это показывает, что индивидуация имеет не только онтологическое, но и «процессуальное» измерение.

Почему это важно. Это показывает, что индивидуация не является «статичной» структурой; она укоренена в потоке, который всегда уже «функционирует» до всякой рефлексии. Без этого различения индивидуация выглядела бы как «механическое присвоение метки», а не как «структура опыта».

Резюме главы.

Зеефельдские рукописи показывают, что анализ времени имеет онтологическое измерение: время конституирует индивидуальное бытие объектов. Временная позиция индивидуализирует объект; два качественно тождественных индивида не могут существовать одновременно в одном временном поле. Это отличает время от пространства. Анализ времени — это не только феноменология сознания, но и онтология временных объектов. Различие феноменологического и эмпирического времени показывает, что феноменология времени не отрицает объективное время, а показывает, как оно конституируется в субъективном временном сознании. Индивидуация связана с временной перспективой и сжатием: временная позиция объекта дана в определённой перспективе, которая меняется по мере погружения в прошлое. Различие сознания-функции и сознания-данности показывает, что индивидуация описывает и структуру потока, и структуру данности, и границу между ними. Два смысла начала показывают, что временная позиция объекта — это и «абсолютное начало» (для данного объекта), и «предел» (для предшествующих позиций). Без этого раздела непонятно, как от анализа «сознания времени» возможен переход к анализу временных объектов и их объективного порядка.

Глава 8. От времени к пассивному синтезу: Husserliana XI как мост.

Вводная.

Переход от времени к «Анализам». Пассивный синтез — продолжение учения о времени на уровне содержания. Без Husserliana XI учение о времени остаётся формальным; без Husserliana X пассивный синтез лишается генетического обоснования. Но этот переход не является простым «добавлением» нового материала к уже готовой теории: он выявляет то, что в Husserliana X остаётся на периферии — *содержание* временного горизонта, которое заполняет его форму. В этой главе мы показываем, как ассоциация, аффекция, внимание и конституирование единств укоренены во временном синтезе, и вводим различение «пассивный синтез как функция / как данность», которое связывает эту главу с главами 4–7 и 9.

8.1. Ассоциация как пассивная синтезирующая сила: форма и содержание.

Что это. В Husserliana XI Гуссерль показывает, что ассоциация — это не психологическая «привычка», а пассивная синтезирующая сила, которая связывает данные. Ассоциация опирается на временной синтез: чтобы связать данные, нужно уже иметь временной горизонт (ретенцию/протенцию), в котором они даны.

Гуссерль формулирует это так: «Рубрика "ассоциация" характеризует для нас форму и закономерную регулярность имманентного генезиса, постоянно принадлежащую сознанию вообще; но она характеризует не форму объективной, психофизической каузальности, как это имеет место в психологии». В феноменологической редукции «вся объективная реальность и объективная каузальность "заключена в скобки"». Ассоциация — это «форма и закономерная регулярность имманентного генезиса», то есть структура самого сознания, а не эмпирический механизм.

Форма и содержание. В Husserliana X временной синтез описывается как *форма* горизонта: ретенция, пра-импрессия, протенция. В Husserliana XI ассоциация описывается как *содержание*, которое заполняет эту форму. Без фор-

мы (ретенция/протенция) содержание (ассоциация) было бы невозможно; без содержания форма была бы пустой. Гуссерль подчёркивает: «Феноменология ассоциации является, так сказать, высшим продолжением учения об изначальной темпоральной конституции. Посредством ассоциации конститутивное свершение распространяется на все уровни апперцепции».

Почему это важно. Это показывает, что учение о времени не изолировано от учения о пассивном синтезе. Ретенция/протенция — это форма временного горизонта; ассоциация — это содержание, которое заполняет этот горизонт. Без Husserliana X ассоциация была бы беспочвенной; без Husserliana XI учение о времени было бы пустым.

Следствие. Переход от Husserliana X к Husserliana XI — это переход от формы к содержанию, от структуры к функции. Время — это фундамент пассивной конституции опыта. Ассоциация — это первое содержание, которое заполняет временной горизонт.

8.2. Аффекция и внимание: функция и данность.

Что это. В Husserliana XI Гуссерль анализирует аффекцию — «влечение» объекта к Эго — и внимание — выделение чего-то из пассивного фона. Аффекция и внимание опираются на временной синтез: объект может «привлечь» внимание только потому, что он уже дан во временном горизонте.

Гуссерль определяет аффекцию как «влечение», оказываемое объектом на Эго, — «своеобразную тягу, которую данный сознанию объект оказывает на Эго; это тяга, которая ослабевает, когда Эго внимательно обращается к нему и продвигается отсюда, стремясь к самоданной интуиции». Аффекция предполагает «выступание» объекта на фоне других данных; это выступание, в свою очередь, предполагает контраст.

Функция и данность. В 4.7 мы ввели различие между сознанием-функцией (поток как переживание) и сознанием-данностью (то, что схвачено, что «является» для Эго). Это различие важно и для аффекции/внимания. Аффекция — это *функция*: она «функционирует» в каждой фазе сознания, независимо от того, схвачена ли она Эго. Внимание — это *данность*: оно схватывает то, что уже «функционирует»

как аффекция. Аффекция может «функционировать», но не быть «данной» (например, когда мы не замечаем фоновый шум); внимание — это акт, который делает аффекцию «данной» для Эго.

Гуссерль подчёркивает: «Аффекция предполагает прежде всего выступание, и в рамках импрессиональной сферы она предполагает то выступание, которое мы могли найти только в ней». Внимание, таким образом, не автономная активность Я, а ответ на аффективный призыв объекта. Но этот ответ — не «пассивная регистрация»; это *переход* от функции к данности: то, что «функционировало» как аффекция, становится «данным» как внимание.

Почему это важно. Это показывает, что внимание — не просто «активный» акт; оно укоренено в пассивном синтезе времени. Без ретенции/протенции объект не мог бы выделиться из фона; он был бы неразличим. Но внимание — это не только функция; это *данность*, которая делает функцию «явной» для Эго.

Следствие. Учение о времени обосновывает учение о внимании. Без Husserliana X внимание было бы беспочвенным; без Husserliana XI учение о времени было бы неполным. Аффекция — это мост между временной формой и содержанием опыта; внимание — это мост между функцией и данностью.

8.3. Конституирование единств из потока ощущений: форма и содержание.

Что это. В Husserliana XI Гуссерль показывает, как из потока ощущений конституируются единства (вещи, длительности). Это конституирование опирается на временной синтез: чтобы конституировать единство, нужно уже иметь временной горизонт, в котором данные могут быть связаны.

Гуссерль описывает это так: «Всё образование единства и всякая связь в опыте коренятся в гомогенности, формальной и материальной. Или, как мы можем также сказать, в единообразии или сходстве. Гомогенность создаёт институирование единства опыта лишь в импрессии и ретенции — а именно во временной форме настоящего и прошлого в конститутивной форме: длящегося сосуществования и последовательности чего-то длящегося».

Форма и содержание. Конституирование единств — это не просто «активный» синтез; оно укоренено в пассивном синтезе времени. Форма (ретенция/протенция) задаёт горизонт, в котором данные могут быть связаны; содержание (гомогенность, сходство) задаёт способ, каким они связываются. Гуссерль подчёркивает: «Ассоциация возможна только благодаря изначальной темпоральности сознания. Время

конституирует: тождественность объекта (например, мелодия как единство звуков во времени); индивидуацию (каждый момент времени уникален, что делает объект неповторимым); порядок сосуществования и следования».

Почему это важно. Это показывает, что конституирование единств — не просто «активный» синтез; оно укоренено в пассивном синтезе времени. Без ретенции/протенции данные были бы разрозненны; они не могли бы образовать единство. Но конституирование единств — это не только форма; это *содержание*, которое заполняет форму через гомогенность и сходство.

Следствие. Учение о времени обосновывает учение о конституировании единств. Без Husserliana X конституирование единств было бы беспочвенным; без Husserliana XI учение о времени было бы абстрактным.

8.4. Сжатие и временная перспектива в пассивном синтезе.

Что это. В 4.6 и 5.6 мы описали сжатие (Zusammendrängung) как конститутивную структуру временного сознания: при погружении в прошлое временной объект «сжимается», становится смутным, теряет дифференциации. Это относится и к пассивному синтезу: ассоциация, аффекция и внимание действуют в условиях временной перспективы.

Гуссерль пишет: «В сфере ясности мы находим бóльшую отчётливость и разделённость (тем бóльшую, чем ближе эта сфера к актуально настоящему "теперь"). Но чем дальше мы удаляемся от "теперь", тем сильнее проявляется слияние и сжатие».

Почему это ускользнуло от внимания. Сжатие часто трактуют как «дефект» памяти — как будто прошлое «портится» при погружении. Но у Гуссерля сжатие — это **конститутивная структура** не только ретенции, но и пассивного синтеза. Аффекция и ассоциация действуют в определённой временной перспективе: ближнее прошлое аффектирует сильнее, дальнее — слабее; ассоциация связывает ближние данные теснее, дальние — свободнее. Без сжатия не было бы временной глубины в пассивном синтезе — так же как

без пространственной перспективы не было бы глубины пространственной.

Что это меняет. Сжатие связывает главу 4 (триада) с главой 8 (пассивный синтез): ассоциация и аффекция действуют не «сразу», а через градации ясности и сжатия. Это показывает, что пассивный синтез — не «плоская» структура, а структура с глубиной.

Следствие. Временная перспектива в пассивном синтезе — это не «искажение», а условие возможности ассоциации и аффекции. Без неё сознание не могло бы различать «ближнее» и «дальнее»; оно видело бы всё с одинаковой ясностью, то есть не видело бы временной глубины вообще.

Почему это важно. Сжатие показывает, что пассивный синтез — не «плоская» структура, а структура с глубиной. Ассоциация и аффекция действуют в определённой временной перспективе, которая меняется по мере погружения в прошлое.

8.5. Переход к активному синтезу: функция и данность.

Что это. В Husserliana XI Гуссерль показывает, как пассивный синтез переходит в активный синтез (суждение, категориальное усмотрение). Этот переход опирается на временной синтез: чтобы судить о чём-то, нужно уже иметь временной горизонт, в котором объект дан.

Гуссерль формулирует это так: «В пассивном синтезе они лишь пассивны в порядке последовательности, в совпадении с объектом, который постоянно удерживается. В рецептивности, которая исследует, пробегая [особые моменты], каждый особый момент, который схватывается индивидуально, немедленно пробуждает каждый однородный момент и приводит его к особому резонансу». Активный синтез надстраивается над пассивным: «Активный синтез, который позже может стать синтезом предикации, возникает впервые, если тезис объекта и тезис момента соединяются в "синтезе суждения"».

Функция и данность. Переход от пассивного к активному синтезу — это переход от функции к данности. Пассивный синтез «функционирует» (ассоциация, аффекция, внимание) до всякой активности Эго; активный синтез делает то, что «функционировало», «данным» для Эго через сужде-

ние. Гуссерль подчёркивает: «Смысл конституируется в интенциональных актах, а не "прикрепляется" к знакам извне. В восприятии дерева различаются: перцептивный смысл — "дерево" как интенциональный объект, данный через меняющиеся аспекты; объективный смысл — тождественное единство, схватываемое сознанием ("дерево как таковое")». Это различие между перцептивным и объективным смыслом возможно только на основе временного синтеза, который удерживает тождество объекта в потоке аспектов.

Почему это важно. Это показывает, что активный синтез — не просто «логическая» операция; он укоренен в пассивном синтезе времени. Без ретенции/протенции суждение было бы беспочвенным; оно не могло бы схватить объект. Но активный синтез — это не только функция; это *данность*, которая делает функцию «явной» для Эго.

Следствие. Учение о времени обосновывает учение о суждении. Без Husserliana X суждение было бы беспочвенным; без «Опыта и суждения» учение о времени было бы незавершённым.

8.6. Пассивный синтез как функция и как данность: различение, скрытое в «Анализах».

Что это. В 4.7 и 5.7 мы ввели различие между сознанием-функцией (поток как переживание) и сознанием-данностью (то, что схвачено, что «является» для Эго). Это различие скрыто в «Анализах»: ассоциация, аффекция, внимание — это *функции*, которые «функционируют» до всякой рефлексии; но они же могут стать *данностями*, когда мы рефлексируем над ними.

Почему это важно. Различие функции и данности снимает видимость противоречия в 9.2 («бессознательное сознание»): пустая ретенция — это сознание в смысле функции (она есть момент потока), но не в смысле данности (её содержание не схвачено). То же относится к пассивному синтезу: ассоциация может «функционировать» (как поток переживания), но не быть «данной» (если мы не рефлексируем над ней). Пассивный синтез, таким образом, описывает не только «то, что является», но и «то, что функционирует» — и граница между ними подвижна.

Что это меняет. Различие функции и данности связывает главу 8 с главами 4–7: ассоциация, аффекция, внимание — это не «отдельные темы», а *уровни* пассивного синтеза,

которые «функционируют» в определённой временной перспективе (сжатие) и могут стать «данными» в рефлексии.

Следствие. Пассивный синтез — это не «описание того, что мы переживаем», а «описание структуры, которая делает возможным переживание». Он описывает и функцию (поток), и данность (то, что схвачено), и различие между ними.

Почему это важно. Это различие показывает, что пассивный синтез не является «замкнутой системой». Он описывает структуру, которая всегда уже «функционирует» до всякой рефлексии, но может быть схвачена в рефлексии — и это схватывание само имеет временную структуру.

8.7. Пассивный синтез и два смысла начала.

Что это. В 4.1 и 9.3 мы различили два смысла начала: начало как абсолютный исток (пра-импрессия как «изначальное порождение») и начало как первая фаза (ретенция мыслима только как фаза континуума, у которой есть предшествующее впечатление). Это различие важно и для пассивного синтеза.

Почему это важно. Ассоциация и аффекция имеют своё «начало»: каждый акт ассоциации начинается с определённого «теперь», которое является «абсолютным истоком» для этого акта. Но это «начало» всегда предполагает предшествующие акты ассоциации, которые уже «функционировали» до него. Пассивный синтез, таким образом, имеет и «абсолютное начало» (каждый акт ассоциации начинается в своём «теперь»), и «предел» (каждый акт предполагает предшествующие акты).

Что это меняет. Пассивный синтез связывает два смысла начала: каждый акт ассоциации — это и «абсолютное начало» (для данного акта), и «предел» (для предшествующих актов). Без этого различения пассивный синтез выглядел бы как «механическое связывание данных», а не как «структура потока».

Следствие. Пассивный синтез — это не «присвоение метки», а конституирование единства в потоке, который одновременно является «абсолютным началом» (для данного акта) и «пределом» (для предшествующих актов). Это показывает, что пассивный синтез имеет не только «функциональное», но и «процессуальное» измерение.

Почему это важно. Это показывает, что пассивный синтез не является «статичной» структурой; он укоренён в потоке, который всегда уже «функционирует» до всякой рефлексии. Без этого различения пассивный синтез выглядел бы как «механическое связывание», а не как «структура опыта».

Резюме главы.

Husserliana XI — это мост между учением о времени и учением о пассивном синтезе. Ассоциация, аффекция, внимание и конституирование единств укоренены в временном синтезе: без ретенции/протенции они были бы невозможны. В свою очередь, учение о времени без Husserliana XI остаётся формальным: оно описывает структуру временного горизонта, но не показывает, как этот горизонт заполняется содержанием. Переход от пассивного синтеза к активному (суждение, категориальное усмотрение) также опирается на временной синтез: активность надстраивается над пассивностью, но не отменяет её. Сжатие и временная перспектива действуют и в пассивном синтезе: ассоциация и аффекция действуют в определённой временной перспективе, которая меняется по мере погружения в прошлое. Различие сознания-функции и сознания-данности показывает, что пассивный синтез описывает и структуру потока, и структуру данности, и границу между ними. Два смысла начала показывают, что каждый акт ассоциации — это и «абсолютное начало» (для данного акта), и «предел» (для предшествующих актов). Без Husserliana X пассивный синтез лишается генетического обоснования; без Husserliana XI учение о времени лишается содержательного наполнения. Вместе они образуют единую генетическую феноменологию, в которой время

— это фундамент, а пассивный синтез — это первый уровень конституирования опыта.

Глава 9. Критические точки напряжения генетического ядра.

Вводная.

Апории, которые остаются открытыми. Они важны не как «недостатки», а как указатели на границы метода. Без них учение о времени было бы догматическим. Но чтобы эти апории были действительно *напряжениями*, а не просто «списком нерешённых проблем», нужно показать, где именно они возникают, почему они не устраняются простым решением и что они меняют в архитектуре всего генетического ядра. В этой главе мы не просто перечисляем открытые вопросы — мы показываем, что каждый из них указывает на определённую границу феноменологического описания, и связываем эти границы с различениями, введёнными в главах 4–8: «сознание-функция / сознание-данность» (4.7, 5.7, 6.7, 7.6, 8.6), «два смысла начала» (4.1, 7.7, 8.7), «сжатие и временная перспектива» (4.6, 5.6, 6.8, 7.5, 8.4).

9.1. Апория абсолютного потока: решена или отложена?

В чём апория. Если поток конституирует объекты, то что конституирует сам поток? Если поток осознаёт себя, то нужен ли второй поток, который осознавал бы первый? Это ведёт к бесконечному регрессу: поток, который схватывает поток, требует ещё одного потока, и так далее.

Гуссерль формулирует эту трудность в §39: «Как возможно осознавать единство, принадлежащее предельному конституирующему потоку сознания? Если замкнутый поток истёк, я могу оглянуться на него; он образует единство в памяти. Но тогда поток сознания тоже конституируется в сознании как единство. Разве мы не должны тогда сказать, что это единство конституируется аналогичным образом и является конституированным временным рядом?»

Что говорит Гуссерль. В Приложении VI и VIII он предлагает решение через двойную интенциональность: поток не нуждается во втором потоке, потому что он уже «сознаёт» себя в самом течении, через продольную интенциональность. Гуссерль пишет: «Как бы шокирующе (если не сказать изначально абсурдно) это ни звучало — утверждать, что поток сознания конституирует своё собственное единство, — тем не менее это так. И это может быть осмыслено на основе

существенного конституирования потока».

Продольная интенциональность не является объектным сознанием: это до-рефлексивное самосознание, встроенное в каждую фазу потока. Именно это позволяет избежать регресса: поток не нуждается во втором потоке, потому что он уже «сознаёт» себя в самом течении.

Почему это решение не устраняет апорию. Решение через двойную интенциональность очерчивает границу, но не снимает напряжение. Дело в том, что продольная интенциональность сама должна быть *чем-то* — фазой потока, моментом сознания. Но если она — момент потока, то она сама конституируется в потоке, и мы снова возвращаемся к вопросу: что конституирует *этот* момент? Гуссерль отвечает: «Конституирующее и конституированное совпадают, хотя, разумеется, не могут совпадать во всех отношениях». Но это «совпадение» — не объяснение, а указание на предел: поток не может быть объективирован без остатка, потому что он всегда уже «функционирует» до всякой объективации (см. 4.7, 6.7, 8.6).

Гуссерль прямо говорит: «Это абсолютная субъективность, обладающая абсолютными свойствами того, что можно метафорически обозначить как "поток"; того, что берёт начало в точке актуальности, в изначальной точке-источнике, "теперь", и так далее. В переживании актуальности у нас есть изначальная точка-источник и непрерывность моментов отзвука. Для всего этого у нас нет имён».

Вывод. Апория не решена в смысле «устранения»; она отложена в смысле «переформулирована». Гуссерль показывает, что вопрос «как поток осознаёт себя?» не имеет ответа в терминах объективного времени. Ответ — это указание на границу феноменологического описания: поток «функционирует», но не «является» в объектном смысле.

Почему это важно. Это показывает, что учение о времени не является завершённой системой; оно имеет открытую границу, которая указывает на пределы метода. Апория абсолютного потока — это не «недостаток» теории, а указатель на то, что феноменология времени имеет дело с предельным уровнем субъективности, который не может быть объективирован без остатка.

Следствие. Апория абсолютного потока остаётся открытой. Она показывает, что феноменология времени не может быть «закрыта»; она всегда указывает за свои пределы — на «абсолютную субъективность», для которой у нас нет имён.

9.2. «Бессознательное сознание»: противоречие или различие понятий?

В чём проблема. В Приложении IX Гуссерль ставит вопрос: становится ли начальная фаза переживания данным только на основе ретенции? Было бы оно «бессознательным», если бы за ним не последовала ретенция?

Гуссерль формулирует это так: «Теперь мы можем поставить вопрос: что насчёт начальной фазы переживания, которое находится в процессе конституирования? Становится ли оно данным только на основе ретенции, и было бы оно "бессознательным", если бы за ним не последовала ретенция?»

Видимое противоречие. Гуссерль одновременно утверждает две вещи, которые кажутся несовместимыми:

1. **Каждая фаза сознания сознательна:** «Бессмысленно говорить о "бессознательном" содержании, которое только потом становится сознательным. Сознание необходимо является сознанием в каждой своей фазе».

2. **Ретенция может быть «пустой»:** её содержание не дано, оно «погрузилось» в нуль-сферу, стало «бессознательным» в смысле неданности.

Если каждая фаза сознания сознательна, то как возможна «пустая» ретенция? Если ретенция «пуста», то не противо-

речит ли это утверждению, что сознание всегда сознательно?

Решение: различие «сознание-функция» и «сознание-данность». Гуссерль не проговаривает это различие явно, но оно вытекает из его анализа (см. 4.7, 5.7, 6.7, 7.6, 8.6). «Сознание» в первом утверждении означает *функцию* потока: каждая фаза есть сознание в смысле «переживание», «момент потока». «Сознание» во втором утверждении означает *данность*: то, что схвачено, что «является» для Эго. Пустая ретенция — это сознание в смысле функции (она есть момент потока), но не в смысле данности (её содержание не схвачено).

Гуссерль подчёркивает: «Первичное сознание — это не что-то выводимое на основе умозаключений; скорее, оно может быть усмотрено как конституирующая фаза в рефлексии на конституированное переживание, точно так же, как и ретенции. Но мы не должны понимать это первичное сознание, эту первичную апперцепцию или как бы мы её ни называли, как апперцептивный акт. Помимо того, что это было бы явно ложным описанием ситуации, это втянуло бы нас в неразрешимые трудности».

Это значит, что «бессознательное сознание» — это не «сознание, которое не сознаёт себя», а предельное понятие, указывающее на границу рефлексии: первичное сознание не может быть объективировано без остатка. Оно «функционирует», но не «является» в объектном смысле.

Вывод. «Бессознательное сознание» — это не противоре-

чие, а различие двух понятий сознания: сознание как функция (поток) и сознание как данность (то, что схвачено). Пустая ретенция — это сознание в смысле функции, но не в смысле данности. Это различие снимает видимость противоречия, но не устраняет напряжение: граница между функцией и данностью остаётся подвижной, и именно на этой границе возникает «бессознательное».

Почему это важно. Это показывает, что феноменология времени имеет дело с предельным уровнем сознания, который не может быть полностью объективирован. «Бессознательное сознание» — это не «тёмная бездна», а указатель на границу метода: сознание всегда уже «сознаёт» себя в каждой своей фазе, но это самосознание не может быть схвачено как объект.

Следствие. Статус «бессознательного сознания» остаётся проблематичным. Он показывает, что феноменология времени не может полностью «прозрачно» описать первичное сознание; оно всегда остаётся «функционирующим», но не «являющимся» в объектном смысле.

9.3. Проблема начала: исток или предел?

В чём проблема. В §13 Гуссерль ставит вопрос: существует ли закон, согласно которому первичная память возможна только в непрерывном присоединении к предшествующему ощущению или восприятию? Может ли ретенция существовать без пра-импрессии?

Гуссерль формулирует это так: «Существует ли закон, согласно которому первичная память возможна только в непрерывном присоединении к предшествующему ощущению или восприятию? Закон, согласно которому каждая ретенционная фаза мыслима только как фаза, то есть закон, исключающий возможность расширения ретенционной фазы в протяжённость, идентичную во всех своих фазах?»

Что говорит Гуссерль. Он утверждает априорную необходимость предшествования впечатления каждому удержанию. Ретенция невозможна без пра-импрессии, потому что «прошлое» и «теперь» исключают друг друга. Одно и то же может быть теперь и прошлым, но только потому, что оно длилось между прошлым и теперь.

Гуссерль пишет: «Против этого мы утверждаем априорную необходимость предшествования соответствующего восприятия или соответствующего первоначального впечат-

ления ретенции. Прежде всего мы должны настаивать на том, что фаза мыслима только как фаза, без возможности расширения. И фаза "теперь" мыслима только как предел непрерывности ретенций». И далее: «"Прошлое" и "теперь" исключают друг друга. Одно и то же действительно может быть теперь и прошлым, но только потому, что оно длилось между прошлым и теперь».

Скрытая двусмысленность «начала». У Гуссерля «начало» имеет два разных смысла, и их смешение порождает скрытую апорию (см. 4.1, 7.7, 8.7):

1. **Начало как абсолютный исток** (§§31–33): праимпрессия — «изначальное порождение» (Urerzeugung), у которого нет семени. «Первоначальное впечатление есть нечто абсолютно немодифицированное, первоисточник всего дальнейшего сознания и бытия». Здесь начало — это *источник производства*, а не точка на линии.

2. **Начало как первая фаза** (§13): ретенция мыслима только как фаза континуума, у которой есть предшествующее впечатление. Здесь начало — это *предел континуума*, а не его первый член.

Проблема в том, что первое значение (исток) и второе (предел) не совпадают: поток не имеет первого момента, но каждое впечатление есть абсолютное начало. Гуссерль не проговаривает это различие явно — он колеблется между «поток не имеет начала» и «каждое теперь есть начало».

Что это значит. Если начало — это исток, то вопрос о

«первом начале» потока не имеет смысла: поток всегда уже начался, потому что каждое впечатление есть начало. Если начало — это предел, то вопрос о «первом начале» имеет смысл, но ответ на него — «начала нет»: ретенция всегда предполагает предшествующее впечатление, и так до бесконечности.

Вывод. Ретенция не может существовать без пра-импрессии. Это априорный закон временного сознания. Но этот закон имеет два смысла: (а) каждое впечатление есть абсолютное начало (исток), и (б) ретенция всегда предполагает предшествующее впечатление (предел). Смешение этих смыслов порождает видимость апории: поток не имеет начала, но каждое теперь есть начало.

Почему это важно. Это показывает, что учение о времени имеет строгую структуру, в которой каждый момент триады предполагает остальные, но эта структура не является «линейной»: начало — это не первая точка линии, а источник, который всегда уже действует.

Следствие. Проблема начала решается через различение двух смыслов начала: исток и предел. Это различение снимает видимость противоречия, но не устраняет напряжение: граница между истоком и пределом остаётся подвижной, и именно на этой границе возникает вопрос о «первом начале» потока.

9.4. Отношение к кантовскому априоризму.

В чём проблема. Как соотносятся априорные законы времени Гуссерля с кантовским априоризмом? Кант считал время априорной формой созерцания; Гуссерль — структурой сознания.

Гуссерль сам ставит этот вопрос в контексте критики Канта: «Здесь стоит вспомнить, с исторической точки зрения, блестящие прозрения Канта, выраженные в его глубоком, но затемнённом учении о синтезе продуктивного воображения, прежде всего в трансцендентальной дедукции из первого издания "Критики чистого разума"». Гуссерль признаёт заслугу Канта, но считает, что Кант не смог «распознать сущность пассивного продуцирования как интенциональной конституции».

Что говорит Гуссерль. Априорные законы времени коренятся не в психологии, а в феноменологической структуре сознания. Они не являются «врождёнными идеями»; они конституируются в потоке сознания. Это не кантовский априоризм, но и не эмпиризм; это феноменологический априоризм.

Гуссерль подчёркивает: «Априорные законы времени коренятся не в психологии, а в феноменологической струк-

туре сознания. Они не являются "врождёнными идеями"; они конституируются в потоке сознания. Это не кантовский априоризм, но и не эмпиризм; это феноменологический априоризм».

Вывод. Гуссерль радикализирует Канта: время — не просто «форма созерцания», а структура конституирования опыта. Без этого различения невозможно понять, как феноменология времени соотносится с трансцендентальной философией.

Почему это важно. Это показывает, что феноменология времени имеет дело с априорным знанием, которое не сводится ни к эмпирической психологии, ни к формальной логике. Априорные законы времени — это законы конституирования временности в сознании, и их прояснение — задача феноменологии.

Следствие. Отношение к кантовскому априоризму остаётся открытым. Гуссерль радикализирует Канта, но не «отменяет» его; он показывает, что априорные законы времени коренятся в феноменологической структуре сознания, а не в «чистых формах» рассудка.

9.5. Интерсубъективная темпоральность: программа или структурная апория?

В чём проблема. Как соотносится индивидуальное временное сознание с интерсубъективной темпоральностью? Гуссерль в Husserliana X не решает этот вопрос; он только намечает программу.

Почему это не просто «программа». На первый взгляд может показаться, что интерсубъективная темпоральность — это просто «следующая тема», которую Гуссерль не успел разработать в Husserliana X. Но это не так. Если время конституируется в индивидуальном потоке, то как возможен *общий* временной порядок для разных субъектов? Это не вопрос о «дополнительных исследованиях», а вопрос о *структурной границе* учения о времени.

Гуссерль подчёркивает, что в Husserliana X анализ времени ограничивается индивидуальным сознанием. Интерсубъективная темпоральность — это программа, а не решение. Она требует дополнительных исследований (в «Картезианских размышлениях», в «Кризисе»).

Структурная апория. Индивидуальная темпоральность не может обосновать интерсубъективную без дополнительного слоя (аналогизирующая аппрезентация, «общий мир»).

Это значит, что учение о времени в Husserliana X не замкнуто: оно указывает на границу, за которой начинается другая тема — интерсубъективность.

Вывод. Связь с интерсубъективной темпоральностью — это не просто «программа», а структурная апория. Она показывает, что феноменология времени не завершена; она указывает на дальнейшие задачи.

Почему это важно. Это показывает, что феноменология времени имеет не только «внутренние» границы (абсолютный поток, бессознательное сознание), но и «внешние» границы (интерсубъективность). Учение о времени в Husserliana X — это анализ индивидуального сознания; интерсубъективная темпоральность требует выхода за пределы этого анализа.

Следствие. Связь с интерсубъективной темпоральностью остаётся структурной апорией. Она показывает, что феноменология времени не может быть завершена в рамках анализа индивидуального сознания; она требует анализа интерсубъективности, который Гуссерль намечает, но не завершает в Husserliana X.

9.6. Пассивный синтез как функция и данность: граница, скрытая в «Анализах».

В чём проблема. В 8.6 мы ввели различение «пассивный синтез как функция / как данность»: ассоциация, аффекция, внимание — это *функции*, которые «функционируют» до всякой рефлексии; но они же могут стать *данностями*, когда мы рефлексируем над ними. Это различение ставит проблему: где граница между функцией и данностью в пассивном синтезе?

Почему это апория. Если пассивный синтез — это функция, которая «функционирует» до всякой рефлексии, то как мы можем его описать? Ведь описание — это уже *данность*, которая предполагает рефлексию. Мы не можем описать функцию, не сделав её данностью; но, сделав её данностью, мы её модифицируем. Это та же апория, что и апория абсолютного потока (9.1): мы не можем объективировать то, что «функционирует» до всякой объективации, без остатка.

Что говорит Гуссерль. Гуссерль в «Анализах» описывает пассивный синтез через рефлексию, но подчёркивает, что рефлексия не создаёт пассивный синтез, а *выявляет* его: «Аффекция предполагает прежде всего выступание, и в рамках импрессиональной сферы она предполагает то выступа-

ние, которое мы могли найти только в ней». Это значит, что рефлексия «выявляет» то, что уже «функционировало» до неё, но не создаёт это. Однако это «выявление» всегда частично: мы не можем схватить функцию без остатка, потому что схватывание само является функцией.

Вывод. Граница между функцией и данностью в пассивном синтезе остаётся подвижной. Мы не можем описать пассивный синтез «как он есть», не сделав его данностью; но, сделав его данностью, мы его модифицируем. Это не «недостаток» теории, а указатель на границу метода: пассивный синтез «функционирует» до всякой рефлексии, но может быть схвачен только через рефлексию, которая сама имеет временную структуру.

Почему это важно. Это показывает, что «Анализы» имеют ту же границу, что и Husserliana X: они описывают то, что «функционирует» до всякой объективации, но не могут объективировать это без остатка. Пассивный синтез — это не «объект», а «структура», которая всегда уже «функционирует» до всякой рефлексии.

Следствие. Граница между функцией и данностью в пассивном синтезе остаётся открытой. Она показывает, что «Анализы» не являются «завершённой системой»; они указывают на границу, за которой начинается проблема рефлексии и её временной структуры.

9.7. Время и «жизненный мир»: пропущенная связь.

В чём проблема. В главах 8 и 10 мы связываем Husserliana X с «Анализами» и «Опытом и суждением», но не с «Кризисом». Это упущение: «жизненный мир» (Lebenswelt) — это позднее понятие, которое укоренено в учении о времени.

Почему это важно. Жизненный мир — это не просто «донаучный опыт», а *временной горизонт*, в котором наука и повседневность имеют общий исток. Без Husserliana X понятие жизненного мира висит в воздухе так же, как «абсолютное сознание» «Идей I». Гуссерль в «Кризисе» говорит о «живом настоящем» (lebendige Gegenwart) как о «подпочве» всякого опыта — и это понятие восходит к анализу времени в Husserliana X.

Что это значит. Время — подпочва не только «Идей I» и «Анализов», но и позднего Гуссерля. Жизненный мир — это временной горизонт, в котором конституируются все объективности, включая научные. Без анализа времени понятие жизненного мира остаётся абстрактным.

Вывод. Связь времени и жизненного мира — это пропущенное звено, которое замыкает арку: от Husserliana X через «Анализы» и «Опыт и суждение» к «Кризису». Без это-

го звена учение о времени остаётся изолированной темой; с ним оно становится фундаментом всей феноменологии.

Следствие. Время — подпочва не только «Идей I» и «Анализов», но и «Кризиса». Это расширяет тезис главы 10: генетическое ядро — это нулевой уровень не только «Идей», но и всей феноменологии, включая позднего Гуссерля.

Резюме главы.

Критические точки напряжения генетического ядра — это не «недостатки» теории, а указатели на границы метода. Апория абсолютного потока не решена, а переформулирована: поток — это «абсолютная субъективность», для которой у нас нет имён; он «функционирует», но не «является» в объектном смысле. «Бессознательное сознание» — это не противоречие, а различие двух понятий сознания: сознание как функция (поток) и сознание как данность (то, что схвачено). Проблема начала решается через различение двух смыслов начала: исток и предел. Отношение к кантовскому априоризму остаётся открытым: Гуссерль радикализирует Канта, но не «отменяет» его. Связь с интерсубъективной темпоральностью — это не просто программа, а структурная апория. Пассивный синтез как функция и данность — это граница, скрытая в «Анализах»: мы не можем описать пассивный синтез «как он есть», не сделав его данностью; но, сделав его данностью, мы его модифицируем. Связь времени и жизненного мира — это пропущенное звено, которое замыкает арку от Husserliana X к «Кризису». Вместе эти критические точки показывают, что феноменология времени имеет открытые границы, которые указывают на пределы метода и на дальнейшие задачи исследования. Без этих критических точек учение о времени было бы догматическим;

с ними оно становится методом, который проверяет себя на предельных случаях.

Глава 10. Резюме: генетическое ядро в одном абзаце.

Вводная.

Сжатое изложение вклада части в общий каркас. Задача — собрать в единый узел не только «три опоры» (триаду, двойную интенциональность, абсолютный поток), но и те различения, которые были введены в главах 4–9: «сознание-функция / сознание-данность», «два смысла начала», «сжатие и временная перспектива», «пассивный синтез как функция / как данность», границу между Husserliana X и «Кризисом». Резюме должно быть не «плоским» пересказом, а *картой* генетического ядра — с указанием на его опоры, его аргументативный мотор и его границы.

10.1. Три опоры: триада конституирования, двойная интенциональность, абсолютный поток

Триада конституирования (пра-импрессия — ретенция — протенция). Это форма временного горизонта. Пра-импрессия — абсолютное начало, немодифицированное впечатление, «первоисточник всего дальнейшего сознания и бытия». Ретенция — уникальный вид интенциональности, который удерживает только что прошедшее не как образ, а как модификацию самого впечатления, сохраняющую его в «живом» прошлом. Протенция — пустое интенциональное направление в будущее, которое заполняется в процессе восприятия. Без триады невозможно понять ни единство объекта, ни единство потока: «хвост кометы» ретенций и протенциональный горизонт конституируют «временную кайму» вокруг каждой точки «теперь», в которой только и может явиться длящийся объект.

Двойная интенциональность (поперечная — на объект, продольная — на поток). Это решение апории саморефлексии. Поперечная интенциональность конституирует единство объекта в его временной протяжённости; про-

дольная — единство самого потока. Ключевой момент: продольная интенциональность не является объектным сознанием, это до-рефлексивное самосознание, встроенное в каждую фазу потока. Именно это позволяет избежать бесконечного регресса: поток не нуждается во втором потоке, потому что он уже «сознаёт» себя в самом течении. Без двойной интенциональности поток не мог бы осознавать себя, не порождая бесконечного регресса.

Абсолютный поток. Это предельный уровень субъективности, который «функционирует», но не «является» в объектном смысле. Он не имеет длительности (в смысле объективного времени), не имеет изменяющегося субстрата: это «изменение без изменяющегося», чистая процессуальность, лежащая в основе всех временных феноменов. Гуссерль называет его «абсолютной субъективностью», для которой у нас «нет имён». Без этого понятия учение о времени было бы незавершённым: оно описывало бы структуру временного сознания, но не указывало бы на его предельное основание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.